

Дети корабельного края.

И. Савина (Карпенко)

...Что заставляет людей, достигших солидного возраста, получивших разнообразный жизненный опыт, вдруг обращаться к воспоминаниям о давно прошедшем времени? К детству? К юности? И запечатлевать это на бумаге?

Неужели это просто признак старения и инстинктивное стремление оставить ещё один след на земле?

Попытка объяснить свои прошлые поступки – ошибки, просчёты, или, наоборот, ярче обозначить успешные и плодотворные дела? Оправдаться перед теми, кого когда-то обидел, недопонял?

Или страх просто «кануть в небытие», вместе с многочисленными своими прародителями, родными, друзьями... Заодно с делами и свершениями, в которые были вложены душа и разум, что составляло когда-то смысл жизни?

Считается, что человек жив, пока его помнят. А можно ли долго помнить, не имея зримых свидетельств?

Наверное, всё, вместе взятое, и составляет причину, заставляющую браться за перо и мысленно возвращаться в далёкие времена, когда всё вокруг было иным, не таким, как сейчас, а главное – когда сами были молодыми и сильными, и всё было по плечу.

Сразу решиться на такой шаг не просто. Должно произойти что-то очень важное, какой-то побудительный толчок, событие, которое заставит задуматься, разбудит в душе особенные чувства, мысли. Тогда созревает решение, и ты садишься за письменный стол.

И возникают из-под пера на бумаге образы и события, хранимые в глубинах памяти сердца – дорогие и неприкосновенные, неподвластные времени и его поворотам... В какой-то удивительный и неожиданный момент внезапно чувствуешь, что начинаешь жить заново, с той самой минуты, о которой вспомнила первой – детство ли, юные годы...

И уже невозможно остановиться, и с каждым днём возрастает нетерпение идти дальше, проживать и переживать заново – ушедшее когда-то, но вызванное из памяти сейчас...

...Так получилось у меня. Случайная (а может быть – нет?) встреча со свидетелем моего школьного детства, общие воспоминания и даже общие друзья, о которых мы не догадывались в течение жизни – всё это подтолкнуло меня к тому, чтобы рассказать моим родным людям и близким, доверенным друзьям о моей (нашей!) семье. Для начала - о сравнительно коротком периоде моей жизни - о детстве, школьной юности.

Жаль только, что именно в юности и молодости мы – увы! – не слишком любопытны, и не особенно стараемся выпытать у родителей и бабушек-дедушек историю семьи, рассказать о корнях, из которых мы произросли. А ведь неодолимое время безжалостно уносит свидетелей всех событий. И вот уже нет на свете бабушки, дедушки, мамы, папы... И некому поведать о том, что и как было, и объяснить, почему. И хорошо, что сохранились кое-какие документы, фотоальбомы с потускневшими карточками, хранящими образы ушедших родных людей...

Вот на этой не очень прочной основе - на собственных воспоминаниях, на рассказах бабушки, мамы, которые ещё живы в моей памяти, я решила попробовать написать эти заметки, или, как я их называю про себя – «памятки». Надеюсь, кому-нибудь из тех, о ком я уже вспоминала, это будет небезразлично.

...Удивительно, но *писать* мне было очень интересно...

*Ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться
В городок,
На нашу улицу в три дома, где всё близко и знакомо,
На денёк...*

...Я люблю Севастополь. Каждую его улочку, каждый камень, каждую лестницу-трап, из великого их множества...

В юном возрасте, увидев Севастополь с борта теплохода, я ещё не знала, что это Мой город – прекрасный, белокаменный город мечты. Действительно, он стал моей судьбой: беззаботное, весёлое студенчество, романтическое очарование приморских вечеров, волшебство звёздного крымского неба, тёплого моря ... Наконец, настоящая, на всю жизнь - любовь, семья. Я полюбила этот город, как можно полюбить человека. Меня волновало и волнует всё, что так или иначе связано с его именем. И я всегда гордилась и горжусь тем, что живу в Севастополе. Куда бы ни заносила меня беспокойная работа или просто «охота к перемене мест», на вопрос: «Откуда вы?» - с гордостью отвечала: «Из Севастополя!», и сразу ощущала особое внимание и уважение к себе. Конечно, прежде всего, я отношу это к моему Севастополю - городу-герою, городу, «достойному поклонения».

Живу здесь и сейчас. Надеюсь, до конца...

...Но есть ещё город, который живёт в моём сердце всегда, и о котором я вспоминаю с большим теплом. Это город моего детства, школьной юности, город корабелов – Николаев. Туда в декабре 1952 года занесла нас военная судьба отца.

Это Николаев. Вдалеке – слияние рек Ингула и Южного Буга.

После столичной Риги, несколько потрёпанной военными событиями, но не утратившей своего европейско-снобистского лоска, и патриархально-спокойного Калинина (Твери) с неспешным разливом Волги и множеством речек и речушек, в неё впадающих, где мы жили до Николаева, город показался вначале грязноватым, неуютным. Правда, улицы приятно удивили прямизной и шириной, выходами на речные просторы. Тогда, в 6-летнем возрасте, я, конечно, не могла знать, что такой облик Николаева сложился исторически: это рабочий город, город, который работал на всю тогдашнюю великую державу – Советский Союз, создавая её гражданский и военный флот.

Сама я это прочувствую в полной мере, когда, получив профессию инженера-электронщика, окажусь причастной к судостроению. Рабочие командировки не раз занесут меня в цеха, на причалы и набережные Черноморского судостроительного завода, на современные верфи завода «Океан». На стапелях и набережных этих гигантов рождались и уходили в далёкие морские и океанские просторы суда и корабли – авианосцы, крейсера, огромные рудовозы. Мне посчастливится тесно сотрудничать с предприятиями и объединениями – проектными и производственными – накрепко связанными с главным делом жизни замечательных тружеников Николаева – **кораблестроением.**

План города Николаева, 1910 год.

Так выглядел план города Николаева в 1910 году, когда моим бабушке и дедушке Мальцевым было примерно по 22 года. Жили они далеко в России, в Курской области. Мама родится там же через 14 лет, папа - через 8 лет в Тамбове, и еще никто не подозревает, что наша семья Савиных будет жить в славном городе Николаеве, заложенном и построенном на полуострове князем Григорием Потемкиным Таврическим в том месте, где сливаются две древние реки - Ингул и Южный Буг.

Мы прибудем в этот город ровно через 42 года, по месту службы папы, и первым нашим жилищем будет съемная квартира в частном доме-«трехконке» на улице 4-й Слободской, в квартале между улицами имени 68-и Десантников и улицей Большой Морской. Дом под № 8 до сегодняшнего дня сохранился.

Дом № 8 по улице 4-й Слободской.
Образец типовой жилой застройки в
районе Слободки.

В этом доме мы прожили 4 месяца, в квартале, который примыкал к юго-восточной части площади Коммунаров.

В городе Николаеве Слободских, Поперечных, Продольных, Военных, Песчаных улиц было такое огромное количество, что мне казалось, что только Слободских у нас одиннадцать. Но на самом деле их было девять.

Слободские улицы — поперечные улицы в Адмиралтейской части или Адмиралтейской Слободке старого Николаева. Были пронумерованы от 1 до 6-й. По мере роста города, число Слободских улиц возросло до девяти.

Четная сторона чудом сохранившегося не замощенного участка улицы 4-й Слободской, практически, в центре города. Слева этот квартал примыкает к площади Коммунаров – справа к улице Большой Морской. Цифрами обозначены номера домов.

Адмиралтейская часть в городе Николаеве – его административная часть - включала часть города на восток от улицы Садовой до улицы 6-й Слободской.

В 1835 году по предложению Николаевского полицмейстера Г.Г. Автономова она была названа «Военно-Адмиралтейской частью», но позже военным губернатором М.П. Лазаревым

**Адмиралтейская слободка в городе
Николаеве.**

**Синим цветом обозначена
1-я Адмиралтейская часть;
красным цветом обозначена
2-я Адмиралтейская часть.**

утверждено название –

«Адмиралтейская часть».

В 1860-е годы Адмиралтейская часть простиралась от улицы Садовой до Городовой стены, а в 1880-е годы разделена на две:

Первую Адмиралтейскую часть – от улицы Садовой до Военного рынка (сейчас Парк Петровского); Вторую Адмиралтейскую часть – от Военного рынка до Ракетного завода. В каждой из них располагалась полицейская часть, возглавляемая полицейским приставом.

Название «Адмиралтейская» дано по основному населению этого района города – адмиралтейским мастеровым, работавшим в Адмиралтействе на постройке судов и проживавшим

в собственных домах. Впоследствии слободка значительно расширилась за счет ее заселения вышедшими в отставку адмиралтейскими и флотскими «служителями».

За частью этого района закрепилось название Слободка, или Адмиралтейская Слободка, ставшее одним из устойчивых николаевских топонимов.

После Великой Отечественной войны никаких административных делений на Слободке не было. Эта местность относилась к Центральному району города Николаева.

Ряд Слободских улиц был переименован. Так, 3-я Слободская получила имя Дзержинского, 6-я Слободская стала называться Комсомольской. 8-ю Слободскую называли именем Орджоникидзе. 9-ю Слободскую - улицей Маршала Василевского – в память о выдающемся полководце Великой Отечественной войны.

Как же выглядели эти две крупные части города в 60-е годы 20 века? Немошеная Слободка, лишенная тротуаров и освещения, утопала летом в облаках пыли, а осенью и зимой - в месиве непролазной грязи, то есть практически ничего здесь не изменилось со времён закладки города.

Николаев с самого начала, по замыслу Потемкина, строился как город усадебного типа: каждый дом, казенный или частный, должен был иметь сад, поэтому дома по линии улицы стояли далеко друг от друга, а промежутки между ними заполняли длинные каменные заборы, в лучшем случае оштукатуренные и побеленные известью. И только на двух улицах - Адмиральской и Соборной – в 1869 году были тротуары.

Само название - «слободка» - происходит от слова «слобода» - свободное поселение людей, которые освобождались на время от государственных повинностей. Решиться стать слободой было хоть и полезно, но все-таки опасно! Но авантюристов хватало у нас

всегда! Название "слободка" окончательно прижилось у николаевских жителей и стало уже достаточно символическим.

Сегодня Слободка относится к Заводскому району. На самом деле, заводчан тут хватает. А вот цивилизации, по-прежнему, - не очень. Нельзя сказать, что это самый забытый богами район города, но все же боги сюда давно не заходили. С водопроводом напряженка, с газопроводом тоже. В девятнадцатом веке там находилось полицейское ведомство. Сейчас ничего подобного нет, потому преступность на Слободке живет своей жизнью. Здесь свои законы, местные авторитеты и местные правила поведения и выживания.

Несмотря на все сложности, жители Слободки – народ оптимистический. Перестройка, хоть и поздновато, но дошла и до этих мест! Слободчане восприняли это понятие буквально, и, засучив рукава, принялись за ремонт. На каждом кварталчике можно заметить два-три очага реконструкции. А поскольку строительный мусор на Слободке принято выносить прямо на дорогу, а вывозить его никто не торопится, то жителям приходится сжигать или оставлять его, как местный памятник «великой» Перестройке!

Прожив четыре месяца - с декабря 1952 г. по март 1953 г. - в этих трущобах, наша семья, наконец, получила возможность переехать в благоустроенную квартиру неподалеку – на улице Адмиральской, в доме № 37. Собственно большой четырехэтажный дом располагался вдоль улицы Гражданской (носившей когда-то название Мещанской), а вход был с улицы Адмиральской.

Этот дом №37 по улице Адмиральской стал моим адресом на 11 школьных лет...

Мещанской улица была названа в 1835 году потому, что её жители принадлежали к обширному городскому сословию мещан, т.е. ремесленников, рабочих, мелких торговцев, прислуги и других представителей неимущих классов.

В 1922 году, при Советской власти, улица была переименована в Гражданскую, в связи с отменой сословий и замены их новым общим статусом - *граждане*.

Наше новое замечательное жилище располагалось как раз напротив школы №2. Туда 1 сентября 1953 года отвела меня мама.

Первый класс я провела в девичьем коллективе – школа была женской, а со второго класса к нам пришли мальчики из соседних школ. Началось так называемое «смешанное» обучение. Вот тогда мы и познакомились с Геной Волковым (жил в сером

доме напротив школы), Геней Олюниным (жил в доме на Черниговской), Колей Кабиным, Сашей Литвиновым. Позднее в нашем классе появился мой верный рыцарь до конца школьных лет Гена Голунов – спортсмен, футболист, вратарь юношеской сборной города.

...Пройдёт совсем немного времени, и из хулиганистых мальчишек, задиравших, как водилось испокон веков, девочек, они выправятся в солидных парней, понемногу начинавших ухаживать за нами. Саша Литвинов и Коля Кабин обзаведутся мотоциклами – в то время очень «модно» было с треском носиться по улицам, показывая «чудеса» мальчишеской удали. И так заманчиво и жутковато-весело было прокатиться с ними на заднем сиденье, несмотря на мамины запреты – «Увижу – убью!»! Но мы носились по всей Адмиральской, пугая прохожих, ничего не боялись! Нет, на самом деле я боялась – дворника нашего дома, вернее, дворничиху – тётю Лушу. Уж если она «застукает» за чем-нибудь недозволенным – несдобровать. Будет доложено родителям, которые «примут меры». Выбор наказания зависел от «тяжести» провинности, а также от уровня их «педагогической подготовки». Арсенал наказаний был разнообразен: от банального ремня до всевозможных временных запретов, включая самый изощрённый и жестокий – «Никаких тренировок!» Для меня, всегда занимавшейся спортом, это было настоящей катастрофой! Поэтому старалась... не попадаться.

Декабрь 1952 года. Мы приехали в Николаев.

Именно мой двор, где настоящей хозяйкой была дворничиха тётя Луша, чаще всего вспоминается, когда причудливые тропинки памяти приводят меня в детство, в юность, в Николаев...

Наш дом относился к так называемым «ведомственным» домам и входил в хозяйственный комплекс судостроительного завода им. 61 Коммунара. Поэтому населяли его, большей частью, работники этого предприятия. И как я поняла позже, став частицей команды судостроителей и поняв её состав и структуру, – это были высококвалифицированные работники: главные и старшие строители судов, начальники цехов, рабочая элита – судосборщики, сварщики.

И дом, и двор были под постоянным присмотром управдома и семейной пары дворников – тётя Луши и дяди Васи. Дядя Вася, как и положено дворнику, был всегда в той или иной степени подпития, поэтому все бразды правления были в руках у тётя Луши. Она тщательно убирала двор, запирала на ночь ворота (да-да, какое-то время наш двор запирался на ночь!), следила за чистотой и порядком, привлекая к этому детвору и безжалостно «карая» за нарушения ею же установленных правил. О способах наказания я уже упоминала. Мы, конечно же, не всегда подчинялись, а с удовольствием участвовали только в одной, в самой весёлой процедуре: летнем поливе растений. В нашем дворе, стараниями тётя Луши и некоторых соседей, были разбиты клумбы, которые на лето засевались простыми, но очень милыми и душистыми цветами,

посажены деревья и кусты. Во дворе была водяная колонка, к ней подсоединялся длинный шланг, и – начиналась водная феерия! Поливалось всё, включая самих поливальщиков. Зато клумбы во дворе «цвели и пахли», особенно петунии и ночная фиалка, а у нас было замечательное развлечение.

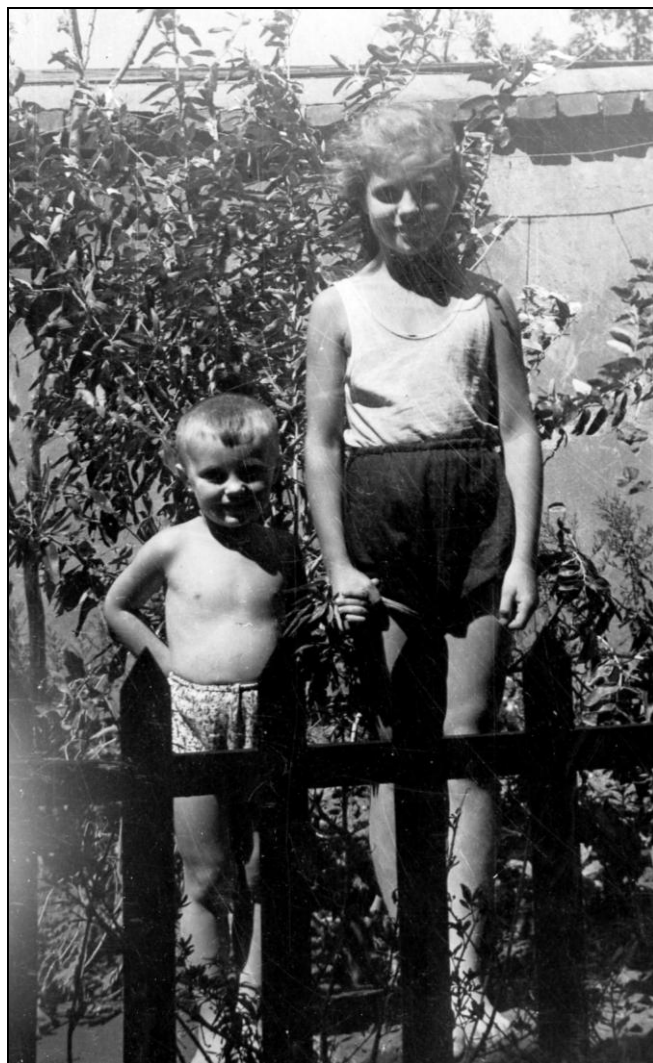
**Это наша семья в 1953 году. Подростал младший брат Саша.
Все ещё живы и здоровы!**

Детских садов было мало (а когда их хватало?!), поэтому младшие братья-сёстры, оставлялись днём на попечение старших, и, по мере взросления, привлекались ко всем нашим проказам, постепенно приходя нам на смену. Ответственность за младших была высокой: если с малышней случалась какая-нибудь неприятность – ушибы, ссадины – попадало, конечно, старшим. Что касается нашей семьи, то мои жалобы на разбитые коленки и ссадины не принимались вообще - не пожалеют! Ещё и накажут за непоседливость. Бабушка мне, бывало, говорила: «И что ты носишься, как ветер с бурей? Вон Ира Бараш сядет на скамеечку и вышивает, а ты?!» Но вышивание или другой вид рукоделия, связанный с сидением на одном месте, были абсолютно несовместимы с моей натурой, и я едва дожидалась удобного момента, чтобы улизнуть из дома, лучше всего без младшего брата Сашки, который был ужасным приставайкой и ябедой. Но куда было от него деться, и поэтому чаще всего приходилось таскать его с собой. Из-за постоянного нытья у него во дворе была дразнилка - «Илинка, дай висенку (то есть вишенку), а то бабуске скажу!». А вот за его синяки и царапины мне попадало, и сильно! И ведь ябедничал постоянно, маленький негодяй!

На Малой Морской улице, недалеко от нашего дома, росла шелковица. Ствол у неё был до того коряв и причудливо изогнут, что образовывал очень удобные горизонтальные площадки. Пара досок, картонка – и готов «штаб», в котором мы проводили летние дни, если родители не отправляли нас в пионерские лагеря. Дерево исправно родило много чёрно-красных ягод, которые, конечно, пополняли наш рацион. Я подсаживала Сашку, залезала на это дерево сама. И мы просиживали там с компанией дворовых собратьев целыми днями, играли в разные игры, пока бабушка не выходила на угол Адмиральской - Малой Морской и не начинала нас звать. Домой идти было

страшновато, потому что одежда, лицо, руки – всё! – было вымазано чёрной шелковицей, которая просто так не отмывалась. Про чёрно-синий язык нечего и говорить. Да ещё и Сашка! То есть опять пощады не жди.

Спустя много лет, приехав в Николаев, я пришла к этому месту. Шелковица стояла, такая же корявая, но сухая и почему-то гораздо меньше «ростом», чем казалась когда-то. Видно было, что дерево умерло, век его закончился, как закончилось наше «шелковичное» детство.

А это он - Сашка! Мой мучитель – ябеда и доносчик! Но всегда «в форме» и с готовностью в любой момент прицепиться к моему подолу!

А здесь - мне 26, ему – на 7 лет меньше. Это Севастополь, мой дом.

Это потом, когда мы выросли, повзрослели - крепко подружились. И сейчас нас связывает взаимная любовь и забота друг о друге. Живёт он с семьёй в Киеве, но связь у нас очень прочная и постоянная. Я люблю его семью искренне, по-родственному, они для меня – и родные люди, и верные друзья. В самые горькие дни моей жизни Саша и вся его семья были мне настоящей опорой.

Помню, как вечно голодные герои одной из книжек нашего детства рвались в «хлебный город» Ташкент, где «персики растут прямо на улицах». А мы в своём вполне сытом детстве не особенно ценили тот факт, что, например, абрикосы свисали с дерева почти в рот, если сидеть на лавочке у забора, что вишни, шелковица – почти на каждой улице окрест. Этого нам явно не хватало, и мы устраивали набеги на сады, где росли не простые абрикосы (дичка, жердели), а «колерованные», то есть крупные, сортовые! Для этого снаряжались специальные команды «разведчиков», по наводке которых и происходил потом налёт. Не щадили даже школьный сад, благо он был рядом и не особенно охранялся. Добычу потом, как правило, делили, но не поровну. А по «заслугам». И горе было, если хозяин обнесённого сада прознавал виновников и являлся для расправы! Опять-таки третейским судьёй выступала тётя Луша, и наказание наступало незамедлительно.

Её суд, как правило, был справедливым. Больше того, как я вспоминаю, она всё-таки пыталась нас воспитывать нормальными, добрыми людьми. Разбирала драки, ссоры, заступалась за обиженных. Ненавидела антисемитизм. Такого слова в её лексиконе, конечно, не было, но она не давала спуска тем, кто позволял себе в оскорбительной форме отзываться о людях еврейской национальности, а их в доме жило достаточно. Правда, мы, дети, дружили или не дружили, невзирая на национальности. Помню, что я долго не имела понятия, кто такие евреи и кто из моих дворовых друзей относится к ним.

Позже многие из наших соседей – Корсунские, Зельцеры, Райхели – разбрелись по городам и весям, включая и «землю обетованную», живут сейчас далеко, но – великая штука Интернет! – на его бескрайних просторах мы нет-нет да и встречаем своих детских друзей и с удовольствием вспоминаем свой интернациональный двор.

Но один раз тётя Луша проявила-таки излишнее рвение, результатом которого случилась в моей детской жизни большая неприятность: повестка из милиции. Да-да, пришла повестка из районного отделения - явиться к майору милиции Заговалову (фамилию и сам постыдный факт помню до сих пор). И провинность-то была пустяковая – с подружкой рвали розы на площади им.61 Коммунара, перед зданием заводоуправления. Зачем нам нужны были эти розы, не помню, но, на нашу беду, нас заметила женщина-садовник и – надо же – не лень ей было! - проследила до самого моего дома. А там, как на грех, встретила с тётей Лушей, и та дала ей мой адрес. И вот мне - отличнице, председателю совета пионерской дружины – приходит по почте повестка - «листик белый». Дома – скандал! Пошли в милицию с мамой. Этот самый майор Заговалов оказался весьма симпатичным дяденькой, который, «учтя чистосердечное раскаяние», подкреплённое вёдрами слёз, пожурил меня, пообещав не сообщать в школу. Зачем это нужно было ему, я так никогда и не узнала, потому что ясно ведь было – мы не были ни хулиганками, ни злоумышленницами. Но воспитательную беседу об охране зелёных насаждений я прослушала, сквозь град слёз от ужаса обнаружения такого позора. Случилось это на каникулах, и 1 сентября в школу, в 7-й класс, я шла со страхом – а вдруг всё-таки сообщили?! Но всё обошлось. Рассказала я об этом только своему верному другу и рыцарю Генке Голунову. А тот всегда был насмешником, и долго ещё время от времени издевался: «Ирка, не за тобой «воронок» приехал?» Но я уже успокоилась и хохотала вместе с ним. А тётю Лушу я простила...

Сквер им. 67 десантников.

Я справа, с подружкой Тamarой Мельник, с которой «погорела» на розах.

Однако наша дворовая братия отличалась не только шалостями.

Во-первых, и это очень важно, мы – все, во всяком случае «основной состав» дворовой команды – очень любили чтение. Личных библиотек тогда было мало, а общественных – полно. Начиная с нашей школьной библиотеки, куда все были обязаны записаться. За этим следили учителя. Но нас заставлять и контролировать не было необходимости, мы читали с удовольствием, много, всё подряд. Обменивались понравившимися книгами, заранее договариваясь об очередности прочтения. Помню, начиная со второго класса, ввели изучение украинского языка. И тут же отреагировала школьная библиотека. Теперь выдавались для чтения две книги, одна из которых обязательно была на украинском языке. Книги были интересными, особенно украинские народные сказки, поэтому мы быстро привыкли к такому порядку, и, в конце концов, мне

стало абсолютно всё равно, на каком языке читать. Я до сих пор благодарна за это моей школе и первой учительнице украинского языка Неониле Андреевне Григоренко. Это была замечательно интеллигентная, спокойная и приветливая женщина, которая сумела привить нам уважение и научить грамотному, литературному украинскому языку.

Неонила Андреевна Григоренко – учительница украинского языка.

Но со временем нам стало не хватать школьных библиотечных книжек. Мы записывались во все ближайшие библиотеки: городскую, которая была в двух кварталах, областную - на улице рядом с главной, Советской, в заводскую (завода им.61 Коммунара) – почти напротив дома. И тут уже наслаждались разнообразием жанров. Появились любители приключений, военных и других сюжетов. Все, без исключения, любили сказки. А их тогда издавалось много! Я помню казахские (об Алдар-Косе), персидские, китайские, норвежские (о богах и героях), молдавские, русские. Читали, перечитывали, буквально выхватывали друг у друга из рук наиболее «ценные».

А ведь ещё мы ходили в читальные залы. Бывало это, как правило, по воскресеньям. Во дворе раздавался крик: «Славка! Гришка! Иринка!» Это собиралась постоянная компания, в которую входили, кроме меня, Гриша Басс, Слава Мухин, Галя Скляренко. Поприличнее, чем обычно, одетые, с книгами шли на ул. Спасскую (Свердлова) в городскую. Сдавали-получали книги в абонементном отделе и поднимались на второй этаж в читальный зал. Там – тишина и прохлада, и особый, ни с чем не сравнимый, – библиотечный! – запах. Это запах книг, свежевывмытых полов, ещё чего-то неуловимого, что свойственно только книгохранилищам. Разговаривать нельзя, только полушёпотом с библиотекарем. Выбирали книги и садились читать. Читали, в основном, новинки, которых в абонементном отделе ещё не было или они были в ограниченном количестве, например, только появившиеся тогда «Приключения Незнайки» Носова, детские журналы – «Мурзилка», «Пионер», «Костёр», «Юный натуралист». Часа по два, как минимум, проводили в читальном зале.

Я сейчас понимаю, что именно тогда, в «нежном» возрасте, во мне зародилась и крепко укоренилась любовь к чтению. Она сопровождает меня всю жизнь, часто спасает меня от отчаяния в разных житейских коллизиях, отвлекая, помогая переживать неприятности, даже беды. Этому способствовало и то, что я жила всегда в читающей среде: читали мама, папа, мы с мужем не мыслили себе жизни без книг, читали и читают мои друзья. Я счастлива, что любовь к чтению передалась и сыну, а теперь не оторвать от книг моих внуков, несмотря на очевидный приоритет компьютеров и компьютерных игр.

Наша соседка Людмила работала в украинской школе преподавателем украинского языка. Дома у неё было много украинской классики – Марко Вовчок, Тарас Шевченко, Леся Украинка, Панас Мирный, Иван Нечуй-Левицкий. Были драматурги – Квитка-Основьяненко, Карпенко-Карый. Люда разрешала рыться в своих книгах, без ограничений давала читать. И прочитывалось всё, даже пьесы! Благодаря её книжному собранию, состоялось моё знакомство с Бомарше и Мольером, и до сих пор удивительно, как я, подросток, почти ребёнок, могла с удовольствием читать пьесы?! Но мне было интересно! А уж когда я «наткнулась» у Люды на Куприна и Мопассана, то конечно тут же прочитала запретные на тот момент (мне было лет 12) и ужасно притягательные для меня «Яму» и «Милого друга» с «Жизнью».

Теперь, когда всем всё и вся доступно не только благодаря Интернету, но и сильно опустившейся планке нравственных требований, никто особенно не рвётся к прочтению Мопассана, Боккаччо и прочих классиков, считавшихся недопустимо смелыми и почти неприличными для юных читателей в наши детские годы. Нынешняя действительность гораздо более откровенна, жестка и жестока. А упомянутые авторы – невинные дети, по сравнению с некоторыми современными или интернетовскими. И что самое опасное, на мой взгляд, для нынешней детворы (я вижу это по своим внукам) – неконтролируемый, свободный доступ ко всему, что опубликовано или «выложено» в Интернет. Вряд ли это способствует интеллектуальному и личностному развитию, но кругозор несомненно расширяет, правда, в определённом, далеко не всегда желательном направлении.

Книжного дефицита сейчас практически нет. Причём, если в начале «дикого капитализма» 90-х годов на свет тоннами появлялись, в основном, низкопробные любовно-эротические, убойно-бандитские «произведения», издаваемые в угоду определённым читательским кругам, то теперь на прилавках магазинов, наконец, появилась Её величество Литература. Прекрасно изданная отечественная и зарубежная классика, добротная проза и поэзия современных авторов, а какие замечательные детские книги! Красочные, яркие – настоящий праздник для малышни! Я помню, когда рос мой сын, каждая хорошая детская книжка была событием. Поэтому книги передавались по наследству от старших к младшим (в нашей семье уже третье поколение училось читать по книжкам нашего с братом Сашей детства: «Приключения Буратино», «Доктор Айболит», «Приключения Чиполлино»; внуки читают мои книги – «Хижину дяди Тома» Бичер-Стоу и «Уральские сказы» Бажова). Книги везли отовсюду: из командировок, из путешествий. Помню, чемоданами привозили книги из Болгарии. В Софии и Варне были книжные магазины, которые так и назывались: «Русская книга». И до сих пор на моих книжных полках есть книги, привезённые оттуда.

А сколько книг добывалось путём обменов, на стихийно созданных книжных рынках! (Мой двухтомник Ф.Г.Лорки выменян на серебряные серёжки. Тогда Лорку было невозможно купить в магазине). Сколько выписывалось по сети «Книга-почтой», через «Общество книголюбов»! Особенно плодотворным было Кишинёвское издательство «Картя Молдовеняскэ». Чего только там ни издавалось! И сколько макулатуры мы собирали, чтобы в качестве вознаграждения получить заветного Мориса Дрюона или Дюма, а потом и Пикуля!

Нельзя, конечно, не отметить, что сейчас хорошо изданная и действительно ценная книга стоит очень недёшево, в отличие от книг того времени, когда советские люди считались «самой читающей нацией в мире», а цены на книги были низкими и доступными всем желающим. Правда, в те годы далеко не всегда можно было приобрести нужную книгу. Массовыми, многотысячными тиражами издавалось много литературы идеологического толка, а также сомнительной художественной ценности произведения авторов, демонстрировавших свою лояльность к существующему строю. Классическую литературу (подписные издания) или новинки прогрессивных авторов – зарубежных или отечественных – либо «доставали», имея определённые связи, либо простаивали в очередях для получения заветной подписки на нужную серию. Но цены даже на самые востребованные издания были вполне приемлемыми, в отличие от теперешних «заоблачных». Однако истинные книголюбы и сегодня не останавливаются ни перед чем в поиске и приобретении любимой книги, а чтение всегда для них остаётся настоящим удовольствием, душевной потребностью, «праздником, который всегда с тобой».

Жаль только, что сейчас «глохнет» сеть библиотек. Поэтому отлучёнными от любимого занятия – чтения – оказываются многие люди, живущие на скромный доход и не имеющие материальной возможности для покупки книг. Для них библиотека – источник нужной литературы. Библиотеки же, как и многие другие учреждения культуры, переживают тяжёлый период и не всегда удовлетворяют потребности современных читателей. Их книжные фонды пополняются мало, часто за счёт благотворителей (не люблю слово «спонсор»), а периодику имеют возможность подписывать только центральные городские библиотеки. Читальные залы используются, в основном, учащимся людом, особенно во время экзаменационных сессий. Правда, и здесь часто выручает довольно широко внедрённый Интернет. Но на мой взгляд, большего удовольствия, чем читать, держа в руках бумажную книгу – плод труда авторов, художников, полиграфистов – нет. Никак не заменит это удовольствие чтение книги с экрана монитора или электронной книги.

Ну вот, воспев дифирамб книге и чтению, возвращаюсь в наш двор.

В нашем доме, в той части, что выходила на улицу Гражданскую, размещался продовольственный магазин. Ассортимент его был достаточен для того, чтобы на рынок за продуктами ездить не чаще, чем раз-два в месяц. Мы, детвора, были постоянными посетителями магазина, то по поручению родных, то по случаю обретения «сказочного» богатства в размере пары десятков копеек, а ещё лучше – одного рубля. Эти сокровища «жгли карманы» и требовали немедленной реализации. «Подушечки» или «шарики», обсыпанные сахаром, вполне для этого подходили. Всех продавцов и кассиров мы знали по именам, они тоже прекрасно знали всю детвору, поскольку наши родные были постоянными покупателями. Угловой отдел – спиртные напитки и пиво – назывался в среде потребителей «У Капы», по имени продавщицы, кассир – Игнатъевна

(Ольга Игнатьевна, наша соседка), мясник, как водится, - Вася, грузчик – дядя Петя. Вот с грузчиком у нас шла необъявленная, но постоянная война из-за пустых тарных ящиков. Он выставлял их во дворе, а мы немедленно приспособливали их под свои, ребячьи нужды, что приводило его в негодование, которое он ярко и громко выражал в соответствующих «специфических» образах.

Это дворовая девчачья команда. «Основной» состав со «скамейкой запасных»:

сидят – Галя Скляренко, я, Таня Скляренко, Света Бородай, Тамара Мельник; стоят – Люда Корсунская, Саша Савин (мой брат – прилипала), Оля Сураева. И это далеко не все!

Напротив магазина был овощной ларёк. Как мы ждали летними вечерами приезда больших грузовых машин с кукурузными початками! Выгрузив кукурузу, машина уезжала, а через некоторое время в большинстве квартир начинали варить кукурузу, и двор начинал благоухать её умопомрачительным ароматом. Каким «шиком» считалось выйти во двор со здоровенным, ещё дымящимся початком, щедро посыпанным солью, вызывая зависть у тех, кто не сподобился такого счастья! Кстати, в детской среде кукурузу почему-то называли пшёнкой. Это было на руку картавящим нашим братьям, например, моему до некоторой поры злейшему недругу Эдику Райхельгаузу. Мы, конечно, издевались по-детски жестоко над его дефектом речи, но на призыв: «Эдик, скажи – кукуруза!», он смело отвечал: «Пшёнка!»

А вообще Эдька Райхельгауз был препротивнейшим мальчишкой. (Моя бабушка называла его «Эйзенхауэр»). Вот с ним мы никак не могли подружиться. Сам будучи отчаянным трусом, прятавшимся за спину сердобольной еврейской мамы, он позволял себе столько оскорбительных поступков по отношению к девочкам, что однажды я подговорила их, мы собрались группой человек в пять, поймали его, повалили на землю и отколотили. Потом к моим родителям приходили жаловаться его папа с мамой. Мне, конечно же, попало, но я была удовлетворена – отомстила за всех. Но как было смешно однажды, когда он принёс мне домой поздравительную открытку с 8 Марта, на которой написал: «Давай дружить!» Это было уже, когда нам было лет по 12.

А пока он дорос до этого, мы враждовали и дразнили его «Куку-уза!»

Сейчас кукурузные початки продаются чуть ли не круглый год. А с конца мая, так это точно. Варятся они буквально минут 30, вкус зёрен мало напоминает

кукурузу нашего детства – так, что-то сладкое и хрустящее. А запаха при варке практически не чувствуется. «Наша» же кукуруза должна была вариться не менее 2-3-х часов. В кастрюлю с ней укладывали листья, сорванные с початков при «раздевании», чтобы початки лучше упаривались. А вкус зёрен не сравнить ни с чем! Мучнисто-насыщенный, сладковато-солёный! А если горячий ещё початок смазать сливочным маслом?! Нет, пусть нынешние так называемые «голландские» сорта называют элитными, десертными - это не та кукуруза! Да и цели, с которыми перешли на её выращивание, вполне понятны – эти сорта скороспелые, поэтому прибыли сулят скорые и немалые.

Другим замечательным продуктом конца лета были арбузы. Привозили их обычно вечером, видимо, прямо с поля. Требовалась быстрая разгрузка машины, чтобы освободить водителя, поэтому обращались за помощью к нам, детворе. Помню, как мы выстраивались в длинный ряд, передавали друг другу арбузы. А взрослые укладывали их в помещении ларька. Помощь была небескорытна, мы частенько получали в награду сладко-сахарных красавцев, которых тут же, во дворе, с удовольствием съедали. Всё это происходило не без баловства и шалостей, в результате которых мы являлись домой чумазыми, липкими, но счастливыми и довольными.

Лето – благодатная пора для детворы во все времена. А тем более, если оно проходит на берегу двух рек. И мы пользовались этим благом, походы «на речку» были неотъемлемой частью нашей летней жизни.

Обычно ходили на Стрелку – так назывался пляж у места соединения русел Ингула и Южного Буга. Песчаный берег, неглубокие водные пространства, почти как в Прибалтике: идёшь, идёшь, и всё равно по колено. Но благодаря вот этому «по колено» я и научилась плавать: сначала делала вид, что плыву (ногами по дну), а потом вдруг неожиданно для себя и вправду поплыла! И после этого уже были у нас (и у меня, несмотря на запреты мамы!) и Дикий сад – место на противоположном берегу Ингула, пользовавшееся дурной славой, куда детям ходить категорически запрещалось, и пляжи Яхт-клуба. Родители могли разделить с нами это удовольствие только в выходные дни, а в будние мы собирались дворовой компанией на Стрелку так же, как и в другие походы. В назначенное время выходили во двор с «сухим пайком» - традиционными помидорами, огурцами, солью и хлебом. Компания была почти постоянная – Гриша Басс, Слава Мухин, Игорь Зельцер, сёстры Бараш, сёстры Скляренко. Накупавшись до посинения, усаживались и с удовольствием ели принесённую еду вместе с речным песком, хрустящим на зубах вместе с огурцами.

А вот на пляж Яхт-клуба сборы были сложнее. Во-первых, туда нужно было добираться трамваем. По-моему, маршрут №8. Во-вторых, нужно было набрать нужную сумму денег – и на дорогу, и на мороженое, и на газированную воду. Деньги на этот «кутёж» легче было выпросить у бабушки, чем мы и безбожно пользовались. А в Яхт-клубе продавали замечательное мороженое, которое накладывалось в хрустящие стаканчики – предел удовольствия! Да ещё если попадётся особо подрумяненный!

Звучит занудно, но – увы! – правда, сейчас «такого не делают».

Это наша Стрелка, любимое место летних купаний.

Бывало, что Стрелка верой и правдой служила нам и зимой. Несколько лет подряд, примерно в 1961-1963 годах, зимы были достаточно суровыми, и Ингул и Южный Буг полностью покрывались льдом.

В эти годы в Николаеве очень популярным стало катание на коньках. В Яхт-клубе даже оборудовали настоящий каток, с освещением, с музыкой. Но его, конечно, могли посещать те, кто хоть чуть-чуть мог стоять на коньках.

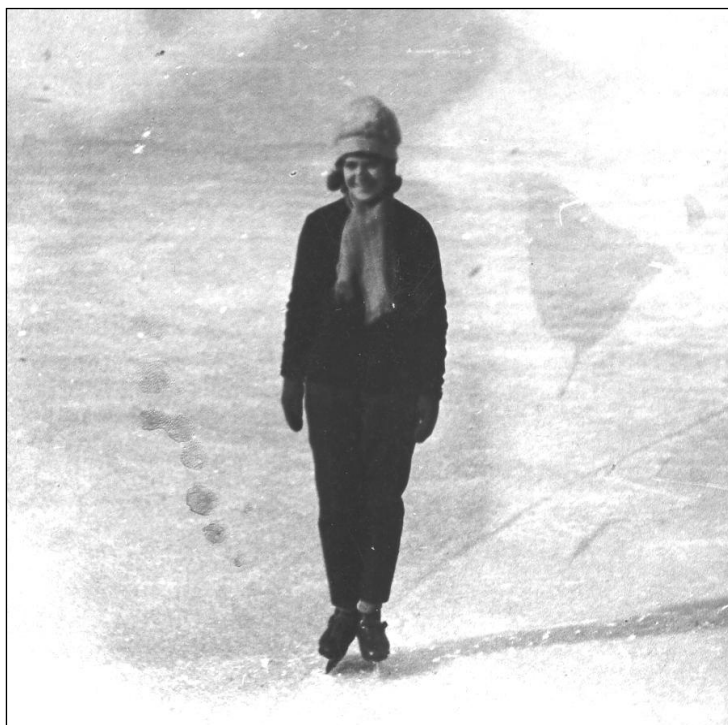
Не помню, кто у нас во дворе был инициатором, но все мы срочно начали обзаводиться коньками. Причём, особый шик был в том, чтобы это были не «снегурки», а, как минимум, «дутьши», а лучше – «хоккейки», или даже «бегаши» (ну, такие были у единиц). Мы же, прежде всего, не умели кататься. У нас во дворе бегала на коньках только приехавшая из Ленинграда Света Соболева и старший из братьев Зельцеров. Остальные – кто как, а я - вообще никак. Мои родители мне, как часто бывало, запретили это – мол, провалиться под лёд захотела?! Но я каким-то образом умолила маму, и вот они – вождённые «дутьши»! С ботинками! Правда, не новые, но это уже не важно! Кроме дворовых приятелей, у меня оказалась поддержка и в школе - Сима Пельц. Она вообще была «своим парнем» - участвовала во многих рискованных затеях. И вот, к моему удивлению, с помощью Симки и наших ребят, я в один день научилась стоять на коньках. Правда, после этого и я, и мои «учителя» были по пояс мокрые – падали вместе со мной, а день был солнечный, и на льду была талая вода. Но к концу дня я «поехала» самостоятельно! Позднее появился навык, уверенность, и мы с удовольствием бегали на коньках везде, где позволял лёд или укатанный снег, даже неоднократно пробегали от Стрелки до Яхт-клуба, если подо льдом «стояли» обе реки.

Мамино пророчество всё-таки сбылось, и однажды я ухитрилась провалиться под лёд. Речка ведь «становилась» не сразу, а начиная от берега, постепенно, к середине. И мы каждый день с нетерпением бегали смотреть, насколько прочен лёд. Чтобы родители не знали, куда я пошла, я прятала коньки под лестницей в подъезде. И в нужное время мы тихонько сбегали со двора на речку. Один раз решились прокатиться, когда лёд буквально прогибался под ногами, середина речки ещё была не замёрзшая. И лёд всё-таки не выдержал. Спасло то, что там было мелко, всего лишь чуть выше колен. Но ведь зима! Температура ниже нуля! Да и дома влетит, коньки отберут. Хорошо, что на берегу была будка сторожа с печечкой-буржуйкой, с какой-то кушеткой.

Сторож нас приютил, мы просохли. На печке у него кипел чайник с компотом из сухофруктов. Он и напоил нас этим горячим взваром. Так что всё обошлось без последствий и было воспринято как ещё одно весёлое приключение. Правда, с дворовых мальчишек я брала слово не проболтаться во дворе, боясь репрессий со стороны родных.

**Крайняя справа – моя подружка по всяким авантюрам
Сима Пельц на катке на Стрелке.**

**Стрелка.
Я уже уверенно стою на**

1961 год. Три Ирины – Каплун (теперь Лисицкая), я и ещё Ирина Каплун (её родственница, моя одноклассница) на катке на Стрелке.

Мне очень нравилось бегать на коньках, и я до сих пор помню это необыкновенное ощущение полёта. Вроде бы стоишь на твёрдой земле, но разбегаешься – раз, два, три! - и вдруг у тебя вырастают крылья! И уже нет земли под ногами, только мелькание каких-то незначительных, ненужных предметов – кустов, камней, льдин, и даже – откуда взялись?! – прохожих! А тебя несёт и несёт - вперёд и ввысь! – неведомая сила, и сопротивляться ей невозможно, а наоборот, хочется и дальше подчиняться ей, без остатка!

Жаль только, что «конькобежная» пора быстро заканчивалась. Всё-таки – юг!

... А мне часто снился в те времена сон: вся улица Адмиральская покрыта не льдом, нет, а хорошо укатанным, слежавшимся плотным, ровным слоем, с обледенелой коркой - снегом. И я бегу на коньках по нашей улице, почти лечу, от своего дома, вперёд, вперёд – к Адмиралтейству, дальше...

Всё-таки замечательная у нас была улица – Адмиральская! Ровная, широкая, длинная – всё на ней было возможно: и на мотоцикле, и на велосипеде, и на коньках (пусть хоть во сне)!

...Я уже вспоминала Людмилу – учительницу украинского языка из соседней квартиры. Это были очень интересные соседи, наши ближайшие друзья на всю, как позже оказалось, жизнь. Простая деревенская семья вечных тружеников. Бабушка Нина Михайловна, даже переехав в город, долго ещё держала в пригороде корову и, пока позволяло здоровье, снабжала деревенским молоком горожан, таская неподъёмные бидоны. Главой семьи был её сын дядя Саша Бородай. Электромонтёр по специальности, на самом деле – на все руки мастер. В двухкомнатной квартире обитало много народу: бабушка, дядя, тётушка, трое детей, их родители. Да ещё они приютили у себя на кухне старушку Константиновну (мы так и не знали её имени – Константиновна и Константиновна!), которая, оказывается, была для них абсолютно чужим человеком, просто соседкой по селу, потерявшей всех родных и оставшейся совсем одинокой. Вот и пригостили мои соседи Константиновну на кушетке в кухне, сделав полноправным членом

семьи. И она таковым себя и ощущала: помогала по дому, чем могла, присматривала за детьми. До конца дней своих дожила она в этой работающей семье, согретая их добротой и заботой.

Добытчиками в семье были дядя Саша и его сестра, мамина подруга тётя Надя, которая работала вместе с ней в школе-интернате воспитателем. Конечно, особых достатков не было – ртов в семье было предостаточно, но эта семья всегда славилась своим хлебосольством. Могли в любой момент позвать на борщ – «только что сварили!», на вареники – «бабушки Михайловна и Константиновна налепили». И мы платили им тем же, с удовольствием ходили друг к другу в гости на разные угощения, помогали, чем могли.

И вдруг случилось невероятное по тем временам событие – у них, одних из первых, появился телевизор! Огромный ящик с небольшим экраном, марки его я не помню. И мы почти каждый вечер просились «к дяде Саше на телевизор». Работали тогда, по-моему, две телестудии, сигнал которых проходил к нам, – Одесская и Херсонская. Видимость и слышимость были плохие, требовалось много времени и усилий, чтобы комнатную антенну настроить так, чтобы мало-мальски видно было происходящее на экране. Программы, по нынешним меркам, были примитивны и однообразны: какие-нибудь новости «о достижениях народного хозяйства СССР» и концерты народных коллективов, редко – кинофильмы. Но воспринималось это всё равно, как чудо! И почти каждый вечер можно было наблюдать такую картину: на «лучших» местах – за столом, на стульях – хозяева, а на полу, перед крохотным экраном огромного ящика – мы, соседская детвора из ближайших квартир. Дядя Саша прибегал ко всяческим ухищрениям, чтобы совершенствовать изображение: устанавливал огромную линзу-аквариум, наполненную водой, чуть увеличивая, но при этом жутко «размывая» картинку; приделывал к экрану пластиковую плёнку радужной расцветки, которая должна была якобы сделать изображение «цветным». Эффект был слабый, но мы всё равно были рады. Как же – кино! Да ещё дома! И конечно, были очень благодарны дяде Саше и его домочадцам, потому что они почти никогда не отказывали нам в этих «телесеансах».

Моя мама и тётя Надя работали в школе-интернате №2, а потом обе перешли в областной интернат №1, что был на улице Ивана Чигрина, мама – директором, тётя Надя – воспитателем. Это были одни из первых интернатов, создававшихся в стране. Там учились, в основном, дети-сироты из расформированных детских домов, из неблагополучных семей. В общем, всё это были дети, обделённые родительской любовью, заботой, домашним теплом. И вот почти каждую субботу в две семьи – нашу и тётки Нади – приходили ребята из интерната. Они проводили у нас выходные дни, часто и каникулы. Вместе с нами ели, мы с ними играли, гуляли во дворе, ходили в кино. Я даже двух мальчиков помню – Колю Сизоненко и Володю Прокопенко, и девочку Ларису со смешной фамилией *Ковбаса*.

Я вот думаю, много ли мы знаем сейчас людей, отважившихся бы пригласить в дом чужого ребёнка, без роду – без племени, да ещё и с сомнительной репутацией. Кормить его, мыть, укладывать спать вместе с собственными детьми. Да и ещё при более чем скромном достатке. Наша семья жила получше – работающие мама и папа, детей двое. А в семье Бородай, кроме главы семьи и тётки Нади – основных добытчиков – трое детей, бабушка Михайловна, бабушка Константиновна. Все они требовали и ухода, и внимания, и, естественно, затрат. Но доброты у этой семьи было столько, что всего хватало не только для родных, но и чужим доставалось. И,

наверное, Колька с Вовкой и Ларисой, да и я сама запомнили этот урок доброты на всю жизнь.

Вот они – закадычные подружки и коллеги – моя мама и тётя Надя Владимировна (Бородай).

Не могу не продолжить рассказ о моей маме – Ольге Михайловне Савиной (Сорокиной). Сейчас, когда её не стало, многое вспоминается, переосмысливается заново. На первый взгляд, она была довольно строга со мной – педагог! И многие её запреты мне казались несправедливыми, жёсткими. И только когда я сама стала матерью, я многое поняла и согласилась с мамой, хотя и поздно. Но мама была очень щедра на истинную доброту, заботу, искренность и внимание. Я не имею ввиду отношение к нам, детям, или родным людям, это ведь просто и естественно. Она много помогала совершенно чужим. Когда я уже жила в Севастополе, а мама оставалась в Николаеве, она случайно познакомилась с молодым матросом, откуда-то из украинского села. Он только-только призвался, был ещё совсем несмышлёнышем в городской среде. Военская часть его была недалеко от Варваровского моста. А жила мама в те, последние годы пребывания в Николаеве, на проспекте Мира, рядом с вокзалом. Кто не знает Николаева, представьте себе расстояние, которое троллейбус проезжает минимум за 30-40 минут. И в жару, и в холод она на троллейбусе ездила из дома в воинскую часть, чтобы подкормить этого мальчика, привезти ему чего-нибудь домашнего, вкусного. В увольнение она часто звала его к себе домой. И долго ещё они поддерживали связь, переписывались, и его родители слали ей тёплые письма, благодарили за сына. Кто знает, может быть, мамой руководила, в том числе, и тоска по собственным выросшим, взрослым детям, уже не нуждавшимся в родительской опеке. Но то, что это было выражением искренней, женской, материнской доброты к чужому ребёнку, несомненно.

Мама прожила нелёгкую жизнь, как и многие её ровесницы.

Родом из Курской области, мамина семья вынуждена была ещё до войны переехать в Сибирь, под Иркутск, в город Мугун. Бабушка с дедушкой вырастили шестерых детей, все они получили достаточное по тем временам образование или профессию. Давалось это нелегко, работать приходилось много и тяжело. Мама поступила в Иркутский университет на физико-математический факультет. Это был

1941 год. Как она рассказывала, сразу после начала занятий, буквально в один день, все мальчики ушли на фронт. (И почти никто не вернулся!) Учиться стало трудно и материально: была введена плата за обучение, которая для семьи Мальцевых (мамина девичья фамилия) была неподъёмной. И мама перешла учиться в Мугунский учительский институт, дававший среднее специальное образование учителя. Работала потом в далёком сибирском селе учителем математики и физики. Рассказы её об этом времени вызывали всегда и смех, и слёзы: как ездила зимой, через глухую тайгу на лошади в райцентр за зарплатой, а в тайге – и волки, и могли быть заключённые. А ей ещё не было 20 лет! Родители ничем не могли помочь – военное время! И вот тогда, при помощи старшего брата Николая, воевавшего с начала войны, мама в 1944 году получила вызов и через всю страну поехала на фронт, в действующую воинскую часть. Как она сама говорила, это спасло и её, и оставшихся в Сибири родных от голода.

...Доучивалась мама в Николаеве – заочно закончила Николаевский педагогический институт. Как она училась – это просто пример для подражания. Я вспоминаю сессионное время, когда она с подругой закрывалась на целый день в комнате и зубрила математический анализ, теорию чисел, что-то там ещё специфическое. Училась очень добросовестно и качественно, что подтверждено было достойными итоговыми оценками. Она была прекрасным педагогом-математиком, быстро сделала хорошую карьеру – сначала завуч школы-интерната №2, потом – директор областной школы-интерната №1, почти до конца своей активной трудовой деятельности. Мама считалась одной из лучших учительниц математики в городе, была награждена знаком «Отличник народного образования», множественными грамотами, как это было принято в советские годы. Её портрет часто красовался на разных досках почёта. Она избиралась депутатом городского Совета. Ею можно и нужно было гордиться. И мы гордились. А вот дома...

Семейная жизнь мамы складывалась не так просто, как работа.

Война ведь прошла не только по земле, сметая с её лица города, сёла, уничтожая всё живое. Она искалечила своей жестокостью и души людей, коверкая их отношения. Непросто складывалась и семейная жизнь у мамы с папой. Оба красивые, умные, добрые люди, они трудно находили общий язык в супружестве, несмотря на то, что папа очень любил маму. Мы, дети, конечно, страдали от их неурядиц, но помочь могли только своей любовью и терпимостью.

Папа – Валентин Петрович Савин - был человеком со сложной судьбой.

Родом он был из Тамбова, 1918 года рождения, 21 июня. После окончания Ярославского военного училища участвовал в Финской кампании, потом прошёл всю Отечественную войну. Был контужен, что впоследствии не могло не сказаться на его здоровье. В конце войны, на Западном фронте, в Литве познакомился с мамой, которая была вольнонаёмной в действующей войсковой части. Полюбил её сразу и на всю жизнь. И, как выяснится позже, жизнь эта окажется далеко не лёгкой.

Это папа, перед самой войной.

Характер у папы был неуступчивый, бескомпромиссный, что отнюдь не способствовало налаживанию добрых отношений с людьми. Вечный борец « за справедливость», терпеть не мог бездельников, некомпетентных, безграмотных руководителей, а таких в те послевоенные годы (как и всегда, впрочем), было предостаточно. Потому, наверное, и не сложилась его военная карьера после окончания военной Академии в г. Калинин. Не просто было ему и «на гражданке», ведь его демобилизация совпала с известным хрущёвским сокращением армии на 1 миллион 200 тысяч человек. В тех условиях найти достойную работу удалось далеко не сразу, что тоже не способствовало спокойствию в семье

Это мои мама и папа в 1944 году. Папа – в Брянских лесах, мама – в Литве.

Мама. Мамочка. Ей здесь примерно 20 лет. Разве можно было не полюбить такую девушку?!

2 мая 1945 года. Мама и папа в день свадьбы.

А свадьба была очень простой: папа сел за руль «виллиса», посадил маму рядом и отвёз в соседний литовский посёлок Радвилишки, где и зарегистрировался их брак. И свидетельство о браке – на литовском языке.

Папа был заядлым спорщиком, прежде всего, по политическим вопросам. Получив академическое образование, будучи убеждённым коммунистом, был политически «подкован», и пытаться переспорить его, например, в том, что касалось

личностей Сталина, Жукова, Рокоссовского, других военачальников и связанных с ними событий, было бесполезно.

Он, как и все мы, много читал, имел свои собственные суждения по каждой теме, и, конечно, азартно их отстаивал. Неплохо играл в шахматы, учил Сашу. Вообще Саша был папиным любимцем и гордостью, как он сам говорил - продолжателем фамилии Савиных. И Саша не обманул его ожиданий.

Шахматная партия с Сашей. Это Рязань, в гостях у бабушки.

Не имея музыкального образования, папа обладал хорошим слухом и голосом, знал много песен, любил петь, учил меня. И мы с ним пели вдвоём, да и мама часто подпевала. Репертуар у нас был обширный, популярный в те послевоенные годы: песни в исполнении Клавдии Шульженко, Лидии Руслановой, Марка Бернеса, Ляли Чёрной, Изабеллы Юрьевой, много военных песен. Песни эти были и на патефонных пластинках, и просто в памяти. Позднее патефон сменила радиола. Я быстро и легко всё запоминала, многое сохранилось в памяти до сих пор, кое-что частично. Например, часто папа пел какой-то романс, где были такие слова: «Кто теперь ваши руки целует, и наверно, нежнее, чем я...» Красивый романс, мелодию его помню и концовку: «И какой-то мальчишка босой, боже мой, называет вас «мама» – эту девушку с русой косой!» Полностью текста не помню и пока не могу разыскать.

Мы с папой. 1954 г.

Мне очень нравилось петь с папой всякую «цыганщину»: «Он уехал», «Зачем я влюбился», «Серьги-кольца». Эти романсы на пластинках пели Изабелла Юрьева, Ляля Чёрная. Конечно, «исполняя» песни, я ещё и пыталась их «играть». Во дворе по вечерам, особенно летом, на скамейке у забора часто собиралось много ребят разного возраста. Болтали, смеялись, часто устраивали «концерты», и меня тогда просили: «Иринка, спой цыганскую!»

И вот представьте меня, восьмилетнюю «актрису», которая с веником в руках, изображающим гитару, да ещё копируя голос и интонации Изабеллы Юрьевой, с надрывом «представляет»: «В дверь стучится зимний вечер, а на сердце – зимний хлад...» Все дворовые – а среди них, кроме «мелкоты», вроде меня, и старшие - умирают от смеха, а я продолжаю: «Он уехал, нинаглядный, ни вернётся он назад...» Успех был полный – я же ещё спою им «Говорят, я простая девчонка, из далёкого предместья Мадрида, и в шумных кварталах мне не место...» - это уже с подражанием Клавдии Шульженко! И ещё чего-нибудь, пока домой не позовут! Это всё папина «школа».

И есть один, почти мистический момент. У нас была пластинка с фронтовыми песнями в исполнении Бориса Чиркова. Среди них - песня, так любимая папой и мной, что я её запомнила на всю жизнь. Это, была, как я узнала гораздо позже, будучи взрослой и уже севастопольчанкой, песня из кинофильма «Иван Никулин – русский матрос» (1944 г.) на стихи А.Суркова и музыку С. Потоцкого. Ничего этого я тогда, в 8-9-летнем возрасте, конечно, не могла знать, но со слезами на глазах, искренне и прочувствованно пела:

На ветвях израненного тополя
Тёплое дыханье ветерка,
Над пустынным рейдом Севастополя
Ни серпа луны, ни огонька.
В эту ночь кварталами спалёнными,
Рассекая грудью мрак ночной,
Шёл моряк, прощаясь с бастионами,
С мёртвой Корабельной стороной.

Я, конечно, не знала, что такое бастионы, Корабельная сторона, да и имя Севастополь мне ничего особенного не говорило. Но детским сердцем понимала, что песня рассказывает о страшной беде – о войне. И моряка расстреливают за то, что он «повоевал богато» с «чёрной сворой» врагов. И ужасно жаль было пленника, и ярко представлялся разрушенный и сожжённый врагами город, и какая-то Корабельная сторона, где всё безлюдно, страшно и мёртво...

Вот судьба и привела меня позднее и в этот город, и на Корабельную сторону...

Интересно и странно, что долгое время практически никто из музыкантов не исполнял этой песни, даже не знал о её существовании. Первый раз в современном исполнении я услышала её от известного джазмена Алексея Козлова в начале 2000-х. А несколько лет назад к нам в Севастополь приезжал на гастроли саксофонист Игорь Бутман. Я была на его концерте в театре им. Луначарского. И каково было потрясение, когда, выразив традиционное приветствие собравшейся публике, он подошёл к краю сцены и соло, без сопровождения своей группы, начал концерт темой

этой песни - «На ветвях израненного тополя...». Реакция зрителей - севастопольцев была очень бурной, а у меня - мурашки по коже, слёзы на глазах! Это было так здорово – благородное, сдержанное звучание саксофона, замечательная мелодия, разбудившая сразу столько чувств и воспоминаний, да ещё в исполнении самого Бутмана с его неповторимыми импровизациями....

Ну а в Интернете я, конечно, нашла и историю этой песни, и её полный текст. Даже нашла аудиозапись в оригинальном исполнении Бориса Чиркова. Люблю её до сих пор, друзья знают, что это МОЯ песня, и она часто звучит на наших сборищах.

Вообще я очень люблю петь и знаю много песен. Наверное, это всё-таки от папы. Моя младшая внучка Инга говорит: «Бабушка, у тебя на каждый случай жизни есть песня». И это почти так. Мне не нужна публика, я пою сама себе, в зависимости от настроения, гуляя, работая, если позволяет работа, то грустное, то весёлое. Очень здорово петь рано утром в Херсонесе. Вокруг – простор херсонесской степи, до горизонта – морской простор, запахи полыни, моря, водорослей. Никого нет, только редкие «собачники», вроде меня. И я тихонечко пою то, на что настроена в данный момент. По-моему, это помогает вернуть душевное равновесие, да и удовольствие доставляет.

Дома папа был настоящим хозяином. У нас никогда не было сломанных, не работающих приборов и утвари, нуждающихся в ремонте предметов одежды и обуви. Он умел и любил делать абсолютно всё, что касалось приготовления еды, наведения порядка, починки обуви, соблюдения чистоты и опрятности. И требовал порядка от нас с Сашей. Если при выходе из дома мы с братом, не дай бог, чего-то недосмотрели в одежде или обуви, папа строго говорил: «Старшина тебя в увольнение бы не пустил!» И приходилось «доводить до Уставного» свой внешний вид. Папа чинил нам с мамой обувь, когда появились туфли на «шпильках», и делал это красиво и качественно. Позднее я даже привозила из Севастополя свои сбитые «гвоздики-шпильки» и увозила полностью отремонтированную, как новую, обувь.

Страсть к порядку передалась брату Саше. Он педант во всём – начиная от состояния квартиры, машины, заканчивая блеском обуви. Папа был бы им доволен. Но главное - он бы гордился им, потому что Саша сделал неплохую военную карьеру, а это было папиной мечтой.

Я немного не такая, и уж конечно, не «страдаю» педантичностью в быту. Иногда запросто могу на что-нибудь «наплевать», вроде уборки или глажки белья, не считая это таким уж значительным событием и отложив это «на потом». Особенно если есть под рукой, например, хорошая книга или сильное желание заняться чем-либо более интересным. Спасибо моему мужу Вите – он меня всегда поддерживал и говорил: «Брось, я сам завтра сделаю! Сколько той жизни осталось?!» И мы с ним куда-нибудь убегали или просто занимались чем-нибудь своим. Жизнь это не портило, а наоборот, облегчало, даже если обещание «всё сделать самому» не выполнялось - я к этому относилась тоже легко.

Но внешний вид свой и своих родных я всегда оценивала и оцениваю глазами папы.

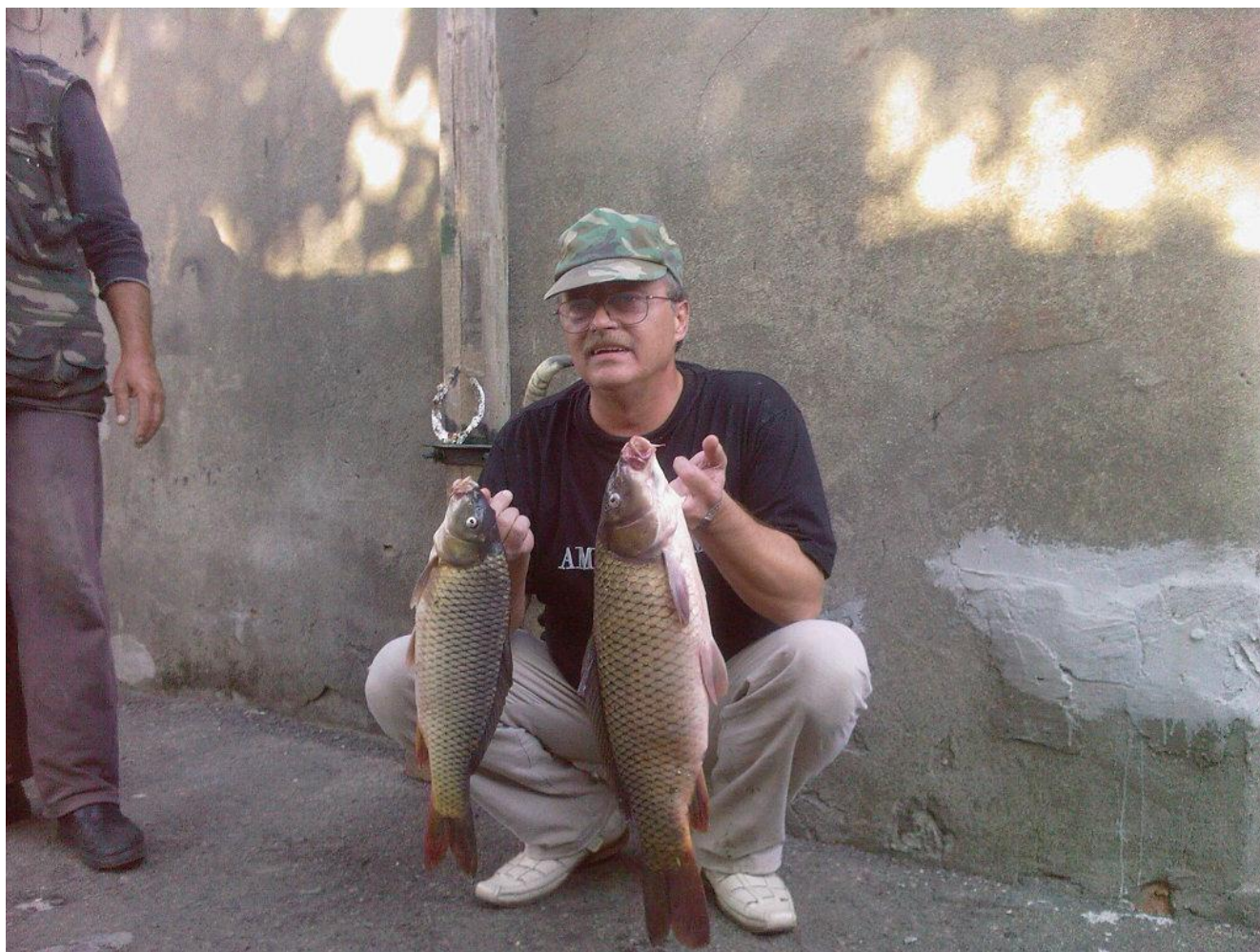
Папа. Уже смертельно болен.

Настоящей страстью папы была рыбалка. Наша большая кладовка была заполнена инструментами, всевозможными снастями, приспособлениями для их совершенствования, изготовления разных блёсен, отливки грузил и т.п. Рыбачил он в разных местах – под Ингульским мостом, где-то в районе совхоза им. Коларова, на Буге, на каких-то озёрах. Копать червей ездил куда-то в особые места, часто за городом. Привозил их, гадких для меня и мерзких (как я их боялась!) в банках, ставил в укромных местах, «холил и лелеял», поливал, пока не подходил срок рыбалки. Рыбачил и летом, и зимой - подлёдным ловом. Рыбы часто ловил много. Иногда у нас по несколько дней в ванне плавали огромные коропы, ожидая своей участи. А сколько он привозил бычков, таранки! Раздавали соседям, сушили, готовили всевозможные рыбные блюда. Ещё одно, кроме червей, неприятное воспоминание – чистить рыбу, особенно когда её много, например, бычков. Это была наша с бабушкой обязанность. И ещё сейчас вспоминается с улыбкой, как мне не хотелось ходить к папе к Ингульскому мосту, когда он бывал там на ночной рыбалке. Рано утром мама отправляла меня к нему с завтраком, а назад я должна была принести пойманную рыбу. За это меня во дворе часто называли «дочерью рыбака», а я почему-то этого очень стеснялась.

С тех пор, видимо, я стала приверженцем рыбной кухни, и никакое мясо не заменит мне рыбу – саргана, кефаль, глоссу, луфаря – что там ещё дарит нам наше море. Для полного и настоящего наслаждения этими дарами ездим с друзьями время от времени в Балаклаву, к местным рыбакам. Покупаем у них «свежак», чтобы приготовить дома. Но есть там у нас и «свои» места, где рыбку утреннего или дневного улова тоже приготовят, как надо.

Интерес к рыбалке передался и брату, и он тоже стал заядлым рыбаком. Бывая в Киеве у него в гостях, я гуляю с ним в тех местах, где он рыбачит на Днепре. Ходила с ним и на знаменитый киевский рынок «Червячку» (слышала, что его сейчас закрыли). Получила большое удовольствие, вспоминая Николаев, папу и его пристрастие. Рыбачит Саша и приезжая ко мне в Севастополь, но настоящей рыбалкой считает только николаевскую. Время от времени договаривается с

тамошними родственниками жены Оли и, как праздника, ждёт поездки в Николаев, в Соляные, где его ждут такие же «фанаты» - рыбаки с лодками, снастями и страстной тягой к реке, к рыбной ловле.

Соляные. Это мой брат Саша после удачной рыбалки

Папа ревностно относился к моей жизни вне дома – я же уехала учиться в Севастополь. Очень недоволен был тем, что, по его мнению, я рано вышла замуж – в 20 лет, на третьем курсе. Боялся, что брошу учёбу. (Абсолютно безосновательно, потому что я училась с удовольствием и на «отлично»). Но когда родился мой сын Андрей, очень гордился этим, с удовольствием возился с внуком, нянчил его. А когда Андрей подрос, старался научить его, в том числе, и рыбацким премудростям. Андрюша с удовольствием ходил с дедом на рыбалку, даже ездил с ним за город, в верховья Ингула. Сейчас Андрей, при случае, тоже не прочь порыбачить, правда, удаётся ему это нечасто, да и рыбачить приходится далеко от дома - от Петербурга, в Финляндии, куда изредка он с семьёй выбирается на выходные дни.

Это Финляндия. Как называется место, не знаю – финские названия не просты для нашего слуха. Андрей и Лена на зорьке, с младшей дочерью Ингой.

А вот и улов!

Как это ни печально, но именно рыбалка стала одной из причин папиной болезни. Он перенёс три очень тяжёлых операции, и в 1978 году, за неделю до своего 60-летия, ушёл из жизни. Для нас это стало первой тяжёлой, невосполнимой потерей.

Очень скоро нам пришлось проститься с ещё одним любимым членом нашей семьи - бабушкой, Агриппиной Афанасьевной Мальцевой, маминой мамой.

Бабушка была родом из Курской области. Дедушка Михаил Павлович Мальцев взял её в жёны, как она рассказывала, «увозом». Взял и увёз на лошади в другое село и обвенчался. А поскольку семья бабушки была многодетной, там только обрадовались такому повороту. Жаль только, что расспросить подробнее бабушку обо всех этих, таких интересных сейчас событиях не пришлось. Когда пришло понимание важности этого, было поздно.

Знаю, что бабушка родила восьмерых детей, двоих потеряла в младенчестве. Шестеро выросли, получили достаточное по тем временам образование или специальность. Оба сына – Николай и Иван – воевали. Иван Михайлович Мальцев пал смертью храбрых на Курской дуге. Его имя высечено на монументе, который высится на Танковом поле – так называется равнина между Курском и Белгородом, на которой разворачивалось знаменитое танковое сражение.

Справа – Иван Михайлович Мальцев.

...Когда я проезжаю в поезде мимо этих мест, смотрю в окно, стараюсь заметить, не пропустить и обелиск, и храм-часовню, построенный на этом месте. Если это происходит поздней осенью или зимой, и деревья вдоль дороги стоят без листьев, то хорошо виден очень красивый, высокий, бело-золотой храм. Всякий раз даю себе слово когда-нибудь выйти из поезда и пройти поклониться этим местам, почтить память и Ивана Михайловича, и других воинов, упокоившихся в этой земле...

...В колхозе села Мальцево Курской области, куда дедушка отвёз её после «увоза», бабушка работала в пекарне – получала муку, замешивала тесто, лепила и пекла хлеб, который потом сдавала «в общину». Как правило, такую работу поручали самым надёжным, честным работникам – Хлеб же! Бабушка была как раз из таких, доверенных людей.

Михаил Павлович и Агриппина Афанасьевна Мальцевы. 1942 год.

А вот дедушке местные власти не доверяли. Он был сапожником, единоличником, в колхоз вступать категорически отказался. Да ещё у него была – страшно подумать – лошадь! На ней он ездил «в район» за материалом для своей работы, развозил выполненные заказы. При огромной семье с шестью детьми, достатка, необходимого для безбедного существования, не было. Мама рассказывала, как оправдана была в их семье поговорка «сапожник без сапог»: обувь была далеко не у всех членов семьи, кое-что приходилось носить по очереди.

В деревне – всё на виду, все знают, у кого какие недостатки. Но был человек, который всё-таки сообщил «куда следует» о дедушкиных «политических воззрениях», и было принято решение о «раскулачивании» и ссылке. К счастью, нашёлся и тот, кто вовремя предупредил об этом деда, и вся семья, собрав пожитки, снялась с насиженного жилья и уехала в Сибирь, в Иркутскую область. Там дед купил дом, постепенно завёл кое-какое хозяйство, и опять началась трудовая, нелёгкая, но всё-таки свободная жизнь. Дети подрастали, женились, выходили замуж, рождались внуки...

А потом, как и для всех – началась война...

...Бабушка жила с нами с тех пор, как мы из Риги, где я родилась, переехали в Калинин (Тверь), а потом и в Николаев. Папа после войны учился в Калининской военной академии имени Молотова. Бабушка приехала из Иркутской области, где в то время, овдовев (дедушка умер в 1946 году), жила в семье старшей дочери Анны, и взяла на себя домашние хлопоты и заботы обо мне. Мама получила возможность работать. В академическом военном городке школы не было, поэтому она, учительница по образованию, стала работать в Академии корректором в местной типографии. А я оставалась под присмотром бабушки.

Жили мы в финском домике с двумя входами, на две семьи. Рядом – небольшой палисадник, даже огородик, где бабушка сеяла морковь, зелёный горошек, много цветов. Помню огромные махровые маки – белые, алые, разноцветно-полосатые. Когда созревали коробочки, бабушка давала вытряхивать из них прямо в рот вкусные сладковатые маковые зёрнышки. А зелёному горошку мы с местными моими друзьями – Борькой Марковым, Валеркой Медведевым (помню многих!) – не давали созреть. Только завяжутся молодые сочные стручки, мы тут как тут: несмотря на бабушкины запреты, обрываем их и с удовольствием ими хрустим. Такие же набегали делали и на морковку – ползли по грядке, чтобы никто не увидел, вырывали сладкие оранжевые, ещё тонюсенькие морковинки и ели почти с землёй!

В это время в городке шёл ремонт фасадов наших домов. Ремонтировали их пленные немцы. Бабушка их очень боялась, запрещала мне к ним подходить. А я, по-детски бесстрашная, да ещё и любопытная, всё равно лезла всюду. Немцы, конечно, были не те, против которых воевали наши отцы. Это были уже побеждённые. И вели они себя соответственно – скромно, тихо, работали, как свойственно именно немцам – качественно и добросовестно. А детей угощали конфетами, пытались их приласкать. От конфет, помню, мы не отказывались, но в близкие контакты с ними не вступали – всё-таки враги!

Город стоял на крутом волжском берегу, с берега открывался замечательный вид на разлив Волги, на многочисленные небольшие островки в середине, куда весной мы с папой и мамой ездили на лодке ломать ветки черёмухи. Она росла там в изобилии. Привозили домой, расставляли в банках, ведрах – нигде больше не помещалось, и долго ещё витал в воздухе пряный черёмуховый аромат.

На рынке вскоре появлялись ягоды черёмухи – чёрные, кисло-сладкие, терпкие. Бабушка пекла с начинкой из них замечательные пирожки, с необычным, немного вяжущим вкусом.

Ходили с ней в недалёкий лес за земляникой, за голубикой, купались в светлой, неглубокой речке по имени Тьмака – притоку Волги. Набирали букеты полевых цветов – иван-чая, колокольчиков. Именно бабушка научила меня тогда стихотворению:

Колокольчики мои, цветики степные,
Что глядите на меня, тёмно-голубые?
И о чём грустите вы в день весенний мая,
Средь некошенной травы головой качая?

Зимы были снежными, морозными. Я была маленькой ростом и помню, что пещеры в огромных сугробах, прорытые старшими ребятами, казались мне просторными, высокими залами, принадлежностью каких-то сказочных дворцов. Много катались на санках и лыжах, на финских санях. Папа скатывался со мной и мамой с крутого волжского берега. Было совсем не страшно, потому что с папой! Мне тогда казалось, что он всё может, что он самый сильный!

Рядом стояла лётная часть. Частыми были учебные полёты, так что гул моторов был привычен. Помню, как однажды летом упал и разбился самолёт. Прямо на ржаное поле, где среди золотых колосьев ржи синели васильки. И почему-то нас, детей, тоже взяли с собой взрослые (или мы сами крутились под ногами в суматохе?), чтобы пройти по этому яркому, нарядному полю, искать какие-нибудь остатки, осколки... Я это помню! Я не придумываю! Мне было тогда уже 5 лет! Я помню, как плакали

женщины, как было всем тяжело и страшно, ведь война только-только закончилась. И люди ещё не привыкли к миру, к спокойной жизни без тревог, без потерь.

И бабушка потом долго молилась за упокой души погибших молодых лётчиков.

Она была искренней, настоящей верующей. И всю жизнь строго следовала всем канонам веры. Ходила в церковь, соблюдала посты, праздновала православные праздники. Никогда не употребляла бранных слов, даже совсем безобидных. Здесь, в Калинин, тайком от родителей, окрестила меня, а позднее, в Николаеве – брата Сашу. Но никогда не навязывала своих религиозных убеждений. Это мы – юные глупцы-пионеры (я и потом Сашка) и убеждённые коммунисты (папа) поддразнивали её, провоцируя на спор о существовании Бога. Но она – мудрейшая женщина! – никогда не давала втягивать себя в бессмысленную дискуссию, только покачивала головой осуждающе, только говорила: «Придёт время, сами всё поймёте».

Грамоте её никто, кроме меня, не учил. В Калинин мы играли с ней «в школу». Нарезали бумагу, делали из неё маленькие, «кукольные» тетрадошки, в которых я, к 5-6 годам уже хорошо умеющая читать (мама научила), писала ей задания. Буквы, слова, потом предложения. Для меня это было интересной игрой, а ей оказалось настолько полезно, что она сама стала читать. По слогам, вслух, постепенно. И, в конце концов, мы привыкли, что бабушка вечером, завершив всю домашнюю суету, садится к настольной лампе, открывает одну из своих книг – у неё появилась «Библия», «Евангелие», «Молитвослов», «Жития святых» из церковной библиотеки – и начинает тихонечко, почти шёпотом, по слогам читать.

«Жития святых» читала и я, позже, когда жила в Николаеве. Воспринимала эту книгу как сборник интересных сказок. Бабушка не возражала, следуя своему принципу – придёт время, сама разберусь. Но кое-что об Иисусе Христе, о святых и праведниках мне рассказывала. Я опять-таки воспринимала тогда все её рассказы, как сказки.

...Бабушка переехала с нами в Николаев, когда папа закончил Академию и получил туда назначение.

Тихая, ласковая и скромная, она казалась незаметной в доме. Но её руки неустанно работали, делая что-то такое, чего сейчас и не представить. Начищала кучу картошки, натирала её на *мелкой* тёрке, раскладывала ровным слоем на противне, отжимала сок, отстаивала, сливала, сушила оставшийся в осадке крахмал. Говорила – так лучше, экономнее, и крахмал качественнее. До бумажного хруста крахмалила постельное бельё, выглаживала до зеркальности, пока были силы (это передалось и маме, и потом мне). По несколько раз ходила в магазин за мясом, пока не дождётся, когда мясник Вася будет рубить нужную часть мясной туши. Приготовит еду, присмотрит, чтобы мы с Сашей поели. Да сколько ещё всего она успевала! Купит в нашем овощном магазине ящик мелкого-мелкого, но сладчайшего винограда-«растрёпки», ошиплет все ягодки, засыплет в «четверти» – 20-литровые бутылки, сверху – сахар, и вскоре готова ароматная, вкусная наливка.

Когда я приезжала на зимние каникулы домой, завтракали мы с бабушкой вдвоём, когда все расходились по работам-школам. Она накрывала на стол, шла в потаённое место, нацеживала большую эмалированную кружку наливки, разливала по стопочкам, и мы с ней пировали! Я так хорошо помню горячую варёную картошку, обязательный «студень» – атрибут праздника, бабушкины солёные огурцы... Потом – крепкий чай с абрикосовым вареньем – отголоском жаркого николаевского лета...

В нашем воспитании бабушка принимала незаметное, тихое участие, отдавая всё на откуп маме и папе. И мы чувствовали это, часто злоупотребляя её добротой и незлобивостью. Она покрывала многие наши проказы, за что мы ей были благодарны, потому что родители относились ко всяким нашим проступкам часто с излишней строгостью, особенно ко мне, как к старшей.

Всегда очень болезненно переживала всякие размолвки, ссоры. Пыталась помирить всех, а потом опять долго молилась перед иконами за мир и благополучие.

По средам и пятницам – обязательный пост. Это кроме тех, что полагаются по православному календарю перед церковными праздниками. В церковь, что была в центре города, ходила пешком до последнего года жизни. Правда, позднее, когда она заметно одряхла, приходилось её провожать.

...Как она страдала в конце жизни, когда почти ослепла и не могла уже читать! Жаловалась мне, когда я приезжала домой, на побывку: «Ириночка, ну почему Господь не забирает меня? Разве можно так жить – не видя света?» И после паузы: «А жить-то всё равно хочется!»

...Пишу сейчас эти строки в память о моей бабушке, которую и помнят-то в лицо сейчас всего несколько человек на земле – я, мой брат Саша, несколько моих двоюродных братьев и сестёр, разбросанных по всему свету. Пишу и могу ещё сколько угодно писать о ней. Это необходимо для того, чтобы мои родные и близкие – молодые, юные и пока вообще не рождённые – кто, может быть, вдруг будет читать эти мои «памятки», вспомнили добрым словом доброго человека – Мать, давшую жизнь большой семье, могучему дереву, раскинувшему свои ветви, ветки и веточки по всему бывшему Советскому Союзу. Наши родные, мальцевского корня, живут и в Петербурге, и в Москве, и в Белоруссии, и в Курске, и в Рязани, и в Тамбове, и в Пскове, и в Киеве, и в Николаеве, и в Красноярске, и в Иркутске, и в Комсомольске-на Амуре, и здесь, в Севастополе....

А те, кого она родила, вырастила, вынянчила, кому неслышно и незаметно помогала всю жизнь – их уже почти нет. Почти не осталось и тех, кто обнимал её худенькие старушечьи плечи, целовал сухие, потемневшие руки, кто оплакивал её уход, провожая в последний путь... И только несколько старых фотографий сейчас хранят её облик, такой родной, не тускнеющий во времени...

...Бабушка родилась в 1888 году, 15 марта. Ушла из жизни 22 августа 1979 года.

Ушла тихо, не обременительно ни для кого, как и жила. Аккуратно прибрала за собой все возможные следы плохого самочувствия, легла на свою постель и уснула навеки...

Через некоторое время мама вышла замуж за Сорокина Георгия Никитовича, тоже к тому времени овдовевшего. Мы с братом уже были взрослыми, состоявшимися людьми, моему сыну уже было 12 лет. Георгий Никитович оказался настолько добрым и тёплым человеком, что все мы приняли его сразу, как родного. Мама прожила с ним 13 лет, как она сама говорила, – самые спокойные и счастливые годы. Он её называл Олюней, она его – Гришуней. Когда я приезжала к ним в Николаев, иногда было даже неловко находиться рядом с ними: столько тепла и ласки дарили они друг другу, что казалось, я им мешаю. Такая нежность, любовь и забота исходили от

Георгия Никитовича, что мы не могли не отвечать ему огромной симпатией. Я часто бывала в Николаеве в рабочих командировках, и Никитович, как мы его называли, был мне всегда очень рад. Мы засиживались допоздна на кухне, долго и обо всём разговаривали, пили домашнее вино, пели песни, что он делал с большим удовольствием, пока мама не прогоняла нас спать. Часто он звонил мне в Севастополь и говорил: «Иринка, давай, приезжай, бо я вже скучив!» Родом он был из Херсонской области. Не воевал, поскольку был 1927 года рождения, не успел. Но в оккупации пришлось побывать. Потом учился, водил капитаном суда по рекам. Из-за травмы – немец ударил по голове – стал терять слух, и пришлось бросить плавание. Стал главным механиком речного порта, потом, на пенсии – дежурным механиком. Его очень любили все, кто с ним общался, с кем работал. Любила его и наша семья. Горевали, когда он в 1993 году, внезапно – сердце! - ушёл из жизни. Вот тогда мама тоже заболела, и мы забрали её к себе, в Севастополь.

Когда мама переехала жить к нам, в Севастополь, то долго ещё, пока были силы, давала уроки математики соседским детям, помогая преодолевать школьные премудрости. И всё это абсолютно безвозмездно, и с большим желанием и удовольствием. Конечно, люди были благодарны ей, и я до сих пор, встречая бывших соседей, принимаю от них эту благодарность, как добрую и светлую память о моей маме, и радуюсь ей, и горжусь...

И как я жалею, что часто не соглашалась с мамой в некоторых житейских вопросах, спорила с ней, иногда по пустякам, считала её взгляды устаревшими. Сейчас, когда её не стало, и ничего нельзя вернуть и исправить, я прошу у неё прощения. И столько любви и нежности к ней ощущаю в себе, что кажется, вот-вот разорвётся сердце. Ах, если бы она это чаще чувствовала при жизни! Если бы я чаще напоминала ей об этом! Как все люди нуждаются в частых, как можно более частых напоминаниях о том, что их любят! Это придаёт силы жить, переживать все сложности, даже беды. Очень хорошо это понимал мой муж Витя, который начинал и заканчивал каждый наш день словами: «Как я тебя люблю! Какая ты у меня красивая!»

...Вот уже пятый год я живу без него, теперь и без мамы. И мне очень не хватает их любви, нежности и ласки. И когда я наблюдаю семейную жизнь моего сына, я с радостью замечаю, сколько необходимо ценного и доброго у него от отца – доброты, деликатности, бережно-любовного отношения к жене, детям, и ко мне. Услышу от Андрюши знакомые, полущутя сказанные, слова: «Ты меня ещё любишь?» И сердце сжимается от воспоминаний и ... счастья – получилось!

Моя мама Ольга Михайловна Сорокина (Савина) и Георгий Никитович Сорокин в день регистрации брака.

Пришла, наконец, пора вспомнить о нашей школе.

Конечно мы все – дворовые девочки и мальчики – были школьниками, и отнюдь не набеги на сады, шалости и забавы составляли главную часть нашей жизни. И как все нормальные дети, мы всегда с нетерпением ждали каникул – летних, зимних, но учёба занимала большую часть времени.

Почти все мы были учениками средней школы №2. Она была рядом, через дорогу, на улице Адмиральской. Были в нашем доме семьи, в которых нашу, родную школу заканчивали все дети: Бараш Ирина и Валентина, Сураевы Жанна и Ольга, Корсунские Володя и Люда, Зельцеры Витя и Игорь... Наверное, это даже не все, некоторых я могла забыть, особенно младших..

Нашу фамилию - Савины – в школе помнили долго, потому что в ней училась я, потом брат Саша, а спустя некоторое время ученицей стала Сашина дочь Зоя. Не ради хвастовства, но всё же с оттенком гордости за семью скажу: мы все были отличниками-активистами-спортсменами и золотыми медалистами. Единственная я проучилась здесь всего 9 лет, и из-за нововведений в систему образования, вынуждена была 10 и 11 классы заканчивать в школе №5. И свою медаль получила именно там. А Сашу и потом Зоечку, к счастью, эти перипетии с реформами не коснулись, и они спокойно доучились в нашей родной школе.

Это наша школа №2.

Смотрю сейчас на это фото, и тёплое и щемящее чувство охватывает душу. Вспоминаю свои детские впечатления. За тяжёлой деревянной дверью - вестибюль. Мраморная лестница, поднимающаяся на 2-й этаж, звон ручного колокольчика, подающего сигнал о начале или окончании урока... Чёрная печка-голландка

в классе. Печки зимой топились дровами и углём, согревая классы. Так приятно было прислониться к ним и почувствовать мягкое, доброе тепло... Какое чудо, что это здание, построенное в начале **позапрошлого** века, сохранилось до сих пор! И никакая злая воля современного власть имущего вандала «от нового строя» не превратила его в какой-нибудь супермодный «вертеп», коих вокруг – немереное количество, невзирая на изначально благородное первородное предназначение.

... Где была классная комната 1 «А» класса в 1953 году, моего класса, не очень помню. По-моему, на втором этаже справа от лестницы, с окнами, выходящими на улицу Адмиральскую. А вот последний мой класс – 9-й «А» – хорошо помню – располагался на первом этаже, тоже справа от входа, с окнами на улицу, видными на этом фото. Окна большие, с двойными деревянными рамами. (Помню, что стёкла мы, будучи уже старшеклассниками, мыли, как правило, в конце августа, перед началом учебного года, и в конце учебного года, перед Первомайским праздником).

Девчонки-первоклашки. В центре – Людмила Ивановна Мистергази.

Классные комнаты помню хорошо. Устроены они были, по-моему, так же, как и сто лет назад.

Деревянные чёрные парты с откидными крышками были разных размеров, для разного роста учащихся. В средних и старших классах откидные доски служили нам хорошую службу: под ними удобно было прятать всякие позарез необходимые предметы, например, учебник или чужую тетрадь для списывания или подсказки отвечающему урок, какую-нибудь художественную книжку, которую не терпелось прочитать. Да мало ли неотложных дел, не имеющих ничего общего с протекающим уроком, у нас всегда было в запасе! Спрятать компрометирующие «улики» всегда можно было под партой, в ящике, да ещё прикрыть крышкой. А сиденье – лавка – у парты было общее, для двоих. И это часто служило поводом для местных баталий: «Чего уселся (уселась) на моё место? Подвинься!» Ещё и линию проводили -

«демаркационную»! И в случае её нарушения начиналась «битва». У нас в классе была неразлучная парочка – Толя Осипов и Гена Олюнин – так подобные, как сейчас бы выразились, «разборки» с применением физических методов воздействия, у них случались почти ежедневно, на разных уроках. В зависимости от выдержки и характера учителя, рано или поздно заканчивались они, как правило, либо «удалением с поля» – «Выйди из класса!», либо «жёлтой карточкой» - «Дай дневник и без родителей завтра не приходи!» И конечно в классе обстановка накалялась, урок постепенно сходил «на нет», все исподтишка посмеивались, наблюдая за поединком, и конечно, болея за «своих». И это ещё не все полезные свойства парт. А записочки? Разного характера? От «любовных» - «Давай дружить!» – до угрожающих – «Выйдешь – голову оторву!» (выражение адаптировано для приличного читателя). Все они передавались под партами. Вернее, под крышками! А средство маскировки при «обстрелах» жёванной бумагой?

А если за партой, на её лавочке сидят две закадычные подружки, сколько всего можно было тихонько обсудить за время урока, поближе придвинувшись друг к другу! Можно было быстренько вдвоём сделать уроки на завтра, чтобы высвободить себе время на сегодня, обсудить дальнейшие планы на ближайшее время, просто посплетничать... До тех пор, пока не «засечёт» учитель и не примет свои меры: в лучшем случае – замечание, в худшем – удаление из класса.

Да мало ли ещё ценных качеств таилось в допотопной, деревянной парте, за которой ещё в незапамятные времена занимались благородными науками наши бабушки - прабабушки, да и деды!

Вот такая песня старой доброй парте! Разве могут сравниться с ней современные хлипкие конструкции, напрочь разделяющие парочку сидящих за ней учеников, насквозь «продуваемые всеми ветрами» и взглядами учителей?!

Остальное нехитрое убранство было свойственно в те времена всем школьным классам – учительский стол, шкаф.

В шкафу, кроме учебных пособий, хранился ящик с чернильницами. Писали-то мы с первого класса деревянными или металлическими ручками-вставочками с металлическими пёрышками. Это было, по-моему, чуть ли не до 6 класса. Потом разрешили наливные авторучки. В младших классах дежурный должен был прийти в школу пораньше, чтобы успеть расставить чернильницы по партам и, если это было необходимо, долить чернил, где их недоставало. Особо ценились у нас чернила тёмно-фиолетовые. А поскольку наливали в чернильницы иногда что попало, да ещё могли туда же «добавить» какой-нибудь весёлый предмет вроде мухи, то цвета чернил в чернильницах бывали и блёклые, и синих оттенков, да ещё и «особой» консистенции. И я помню, как будучи дежурной, старалась выбрать и поставить чернильницу «получше» мальчику, которому ужасно симпатизировала – Коле Сиденко. Но дальше чернильницы моё «благоволение» не простиралось. Однажды из-за чего-то мы с ним повздорили, даже подрались. И его мама пришла жаловаться Людмиле Ивановне на меня и показала здоровенную шишку от моего портфеля на бедной Колиной голове. Ну что же, видимо, тогда я ещё не умела по-другому выражать свои «нежные» чувства. Пришлось, по требованию Людмилы Ивановны, просить у него прощения. Мои чувства не выдержали такого испытания мужским коварством, слабостью и слюнтяйством, взамен пришло глубокое разочарование, презрение и – конец «любви»!

Из школьной учёбы в младших классах – до 4-го – особенно помнится ненавистное чистописание. До слёз доводило. Прописи, тетради в частую косую линейку. Наша учительница Людмила Ивановна у доски проводит «мастер-класс» и приговаривает в такт движениям руки: «Нажим – волосная, нажим – волосная». Как трудно было воспроизвести в тетради эти загогулины – крючочки-палочки, да ещё ручкой со вставным пёрышком, которое надо было часто обмакивать в чернила, и при этом не поставить кляксу в прописи или тетрадь! Я уже не говорю о перемазанных пальцах, щеках и школьной одежде! А потом дома, с неохотой, по настоянию недовольной мамы, опять переписывать, переделывать! Помню, что не раз в прописях-тетрадах по чистописанию у меня красовались несвойственные мне тройки. Зато почерк у большинства моих сверстников, да и у меня тоже, всё-таки выработался неплохой. Думаю, это во многом благодаря пресловутому чистописанию.

Остальные предметы в младших классах – чтение, арифметика и т.п. шли легко, поэтому особо ярких воспоминаний нет.

А вот первую учительницу – Людмилу Ивановну Мистергази – я очень хорошо помню и нежно люблю. Давно она ушла из жизни, а её облик – красивая седая голова с «учительским» узлом на затылке, светлое строгое лицо, тёмно-синее платье с бархатной отделкой – хранятся в памяти незбылемо. Мне кажется, я даже помню её голос. Именно её образ ярко и зримо возникает, когда слышу знакомое – «...ты юность наша вечная, простая и сердечная, учительница первая моя...» И ведь как точно она соответствовала этому образу – образу первой учительницы, сложенному в песнях и фильмах тех далёких лет! Красивая особой, благородной, уже немолодой женской красотой, статная, всегда просто и скромно, но достойно одетая, она вызывала чувство глубокого уважения, даже благоговения, и у нас, и у наших родителей. Строгость и доброта, справедливость и снисхождение, деликатность и настойчивость – мы чувствовали, что всё это исходит из главного её достояния: огромной любви к нам, детям, к своей работе, к людям. И отвечали ей тем же – своей честной детской привязанностью и любовью. Авторитет её был непререкаем. Дома «на веру» не принималось зачастую самое очевидное, если оно не было подтверждено Людмилой Ивановной.

«А Людмила Ивановна сказала...» - мама и папа на меня из-за этого всегда сердились. Но такова, видимо, детская психология, особенно в юном возрасте – авторитет любимого учителя превыше других авторитетов. И я думаю, мне и моим одноклассникам очень посчастливилось, что наша искренняя, самоотверженная детская любовь заслуженно была отдана нашей первой учительнице, Людмиле Ивановне. И она с лихвой платила нам тем же.

Жила Людмила Ивановна очень скромно. Сама растила двух сыновей, один из которых был инвалидом. Жила в частном секторе улицы Малой Морской, в маленьком домишке с печным отоплением, пока к концу жизни не получила благоустроенную квартиру в доме по улице Черниговской. Категорически отказывалась от любых, самых скромных и безобидных подарков, которые от имени учащихся пытались преподнести ей к праздникам (по традиции!) члены родительского комитета. Эти скромные дары преподносились абсолютно бескорыстно, без каких-либо «видов на будущее» - таковы были нравы того времени. Да и учились мы все хорошо и отлично, класс, как тогда говорили, был сильный, в протекциях никто не нуждался -- да не принято это было тогда! Кроме того, все знали хорошо Людмилу Ивановну, и рассчитывать на какую бы то ни было протекцию было бессмысленно. Только одна

девочка в нашем классе была, как бы сейчас сказали, «из неблагополучной семьи». Ей-то, по инициативе Людмилы Ивановны, часто оказывали помощь и материальную, и в учёбе.

Такой, почти «иконописный», образ моей первой учительницы сложился и живёт в моей памяти до сих пор.

Вспоминаю последнюю встречу с Людмилой Ивановной в Николаеве. Я приехала на летние каникулы после 1 курса института. В то время мы уже были знакомы и дружны, или, как тогда говорили, «встречались», с моим будущим мужем Виктором Карпенко. Он не терпел никакой, даже самой короткой, разлуки со мной и при первой же возможности приехал в Николаев, чем поверг меня в страшное смущение. Дело в том, что мои родители считали всё это преждевременным, нескромным, осуждали меня и его, и я очень переживала и стеснялась. Витя был старше меня на 3 курса, обладал замечательной выдержкой, спокойным, приветливым нравом и дипломатичностью, и сумел сгладить возникшую неловкость. Даже понравился маме. Однажды, гуляя по улице Адмиральской, мы вдруг встретились с Людмилой Ивановной. Я сразу очень засмутилась. Вспоминая все аргументы «против» моих отношений с Витей, слышанные от родителей, испугалась, что и она начнёт убеждать меня, что ещё рано серьёзно встречаться с парнями, что сейчас мне нужно думать только об учёбе и т.д. А Людмила Ивановна меня, прежде всего, обняла, расцеловала. А потом, после того, как поздоровалась с Витей, просто спросила меня: «Это твой Друг?» Мне сразу стало так тепло и легко на душе, как будто я получила благословление. Благословление от близкого и дорогого человека. И благословление оказалось счастливым.

К сожалению, эта, такая запомнившаяся, наша встреча оказалась последней.

Было лето 1965 года.

Это наш выпускной класс, 4-й «А». Прощание с любимой Людмилой Ивановной.

...Более разнообразной наша жизнь в школе стала после вступления в пионерскую организацию. Принимали с 9 лет. Помню, я очень завидовала тем, у кого день рождения приходился на январь-февраль (начало года). Их принимали в пионеры, по-моему, к 23 февраля. Зато меня приняли в день моего рождения – 22 апреля. Это был тогда знаменательный день в жизни страны – день рождения В.И.Ленина. И я долго ещё гордилась, что родилась с ним в один день. (Меня и в комсомол принимали 22 апреля 1961 года, тоже приурочив это событие к памятной дате.)

Это я – ученица 4-го класса, председатель совета отряда.

Со вступлением в пионеры началась наша активная школьная жизнь. Мы уже не чувствовали себя малышнёй, а были полноправными школьниками, принимавшими участие во всех делах школы. В классе образовался пионерский отряд. Председателем отряда избрали (наверное, за чрезмерную двигательную активность и отличную учёбу) меня, Ирину Савину. Мне, конечно, нравилось носить на школьной форме «знаки отличия» - две красных полоски-нашивки на левом рукаве школьного форменного платья. (Так называемые «звеньевые» носили на левом рукаве одну красную нашивку, председатель совета дружины - три). Но и остальное тоже льстило самолюбию, что греха таить. На пионерских сборах нравилось командовать звеньевыми, отдавать рапорт пионервожатым. Появились всевозможные пионерские поручения и мероприятия (сейчас бы сказали – акции) – помощь отстающим, выпуски стенгазеты, культпоходы в кино, в зоопарк. Всё это было интересно, весело, и мы с удовольствием принимали в этом участие.

В какой-то момент, видимо, в рамках педагогических экспериментов, в школе (в пионерской дружине) образовались так называемые «звенья по интересам»: библиотечное, юных натуралистов, спортивные, то есть что-то сродни старым добрым кружкам по интересам, но под руководством пионерской организации. В тонкостях, отличающих эти нововведения, мы особо не разбирались, важно было, что суть оставалась неизменной. Это нас устраивало, и мы с удовольствием занимались всякими интересующими нас делами, зачастую вступая сразу в несколько таких звеньев, чтобы успеть везде. Как в детских стихах:

Драмкружок, кружок по фото,
Да и петь-то мне охота!

За кружок по рисованию
Тоже все голосовали!

Что касается меня, я быстренько выбрала себе библиотечное звено. И не жалела нисколько, потому что получила доступ к школьной библиотеке, без ограничения по возрасту. Нашей главной задачей была помощь библиотекарю в оформлении приходных журналов поступающей литературы. То есть уже обработанные новые книжки, с присвоенными специалистами библиографическими обозначениями, мы должны были аккуратно вписать в специальные журналы, оформить на каждую книжку каталожную карточку и т.д. Таким образом, мы получили доступ ко всем новым книгам, поступающим из библиотечных коллекторов. Книжки поступали регулярно, довольно часто. Мы первыми читали все новинки, нам даже иногда разрешали их брать домой на короткое время, чему мы были очень рады. Но кроме этого, и старый фонд был наш! И мы, пользуясь этим, частенько заглядывали на полки с книгами, предназначенными для совсем взрослых читателей. Конечно, тайком брали на короткий срок книжки, не предназначенные для нашего возраста. Мы с Таней Лоханиной «разведали», где стоит запретный для нас Мопассан, некоторые купринские произведения, и пользовались этим, конечно, стараясь не привлекать к этому внимания библиотекаря и своих родных. И это параллельно с новыми поступлениями детской литературы - «Говорит седьмой этаж», «Денискиными рассказами», всевозможными сказками. Всё было интересно, действительно звено «по интересу»!

При этом мы участвовали в художественной самодеятельности, занимались физкультурой, бегали в зоопарк, где нам иногда разрешали участвовать в кормлении животных, да мало ли интересов было у тогдашних «деловых»!

Вступив в пионерский возраст, мы получили возможность ездить в пионерские лагеря. Мои дворовые друзья были, в своём большинстве, детьми работников завода имени 61 Коммунара. У завода был ведомственный лагерь «Марьино роща». Путёвки туда распределялись местным профсоюзным комитетом, поэтому и Гриша Басс, и Славка Мухин, и братья Зельцеры часто ездили туда, да ещё и не на одну смену. Мне же это не «светило», хотя очень хотелось поехать с ними, тем более, что перед отъездом они всегда живо обсуждали, что они там будут делать, что возьмут с собой...

Мама доставала мне путёвки через свой, учительский профсоюз. И это были тоже интересные поездки. Я была в пионерском лагере в Одессе, на 16-й станции, помню какой-то ещё лагерь в пригороде Николаева. Однажды меня, как отличницу и пионерскую активистку, направили даже в так называемый «Украинский Артек» - пионерский лагерь «Спутник», в Лузановке, под Одессой. Особых впечатлений от этих лагерей не осталось, хотя фотографии есть, какие-то праздники на них запечатлены.

Пионерский лагерь в Цюрупинске. Прогулка по Днепру.

А вот пионерский лагерь в районе Цюрупинска запомнился очень. Как он назывался, не помню, но хорошо запомнила природную красоту, которая нас окружала. Живописные сосновые леса, растущие на белоснежном песке, настоящие дюны, как в Прибалтике, и многочисленные озерца, заводи, притоки – рукава Днепра, заросшие лилиями, кувшинками, всевозможным цветущим и не цветущим разнотравьем – среди этого приволья и были расположены пионерские лагеря.

До сих пор, проезжая через Цюрупинск на автомобиле по дороге из Севастополя в Николаев, я всё надеюсь отыскать эти места. И всегда верчу головой, впитывая в себя замечательные приднепровские пейзажи: высокие, корабельные сосны, белые пески, образующие высокие горки-дюны, похожие на те, с которых мы в «лагерные» времена съезжали «на пятой точке», речки-речушки, заросшие водяными растениями и не спеша журчащие вперёд, к своему батюшке-Днепру. Обязательно останавливаюсь у какого-нибудь небольшого озера отдохнуть, вдохнуть смолистый хвойный запах, ощутить его будоражащую прелесть, и вспомнить далёкие времена детства. Времена, когда ничто не омрачало ни взора, ни души – не было тогда ни валяющихся у обочин остатков чьих-то дорожных приключений, ни следов придорожных пиршеств наших сограждан, не отягощённых излишней чистоплотностью... Увы – таковы приметы нашего времени, и они, к сожалению, повсеместны.

...А лагерная пионерская жизнь мне была по душе. Видимо, я от природы активный человек, и мне хотелось во всём участвовать, везде успеть. Никогда не было скучно. Думаю, что это зависело и от наших воспитателей и пионервожатых. Жили мы в лесу, в палатках, сохранялась атмосфера какой-то таинственности, сказочности. Играли в казаков-разбойников, отрядами что-то прятали, искали, находили, проводили спартакиады...

После окончания очередной игры жгли костры, праздновали победу. Интересных выдумок было много. Вот сохранилась фотография: наш отряд. Мы, девочки, здесь после выступления в танце с «ракетками». Ракетки мастерили сами из гибких веток, перевязанных верёвками, сами из лоскутков шили юбочки, украшали себя живыми лилиями, которых вокруг было множество. Тут, конечно, возникала негласная

конкуренция между участницами представления: кто из девочек красивее, кто лучше танцует. Ну как всегда, как во все времена. Помню, «примой» тогда мнила себя некто Лиля Савинская (наши фамилии похожи!). Что ж, наверное, не зря, вот она – в нижнем ряду кокетливо склонила голову и «стреляет» огромными глазами! Девчонки есть девчонки, и стремление быть на виду у противоположного пола, независимо от возраста, в них неистребимо!

А вот в лагерной викторине «Кто знает больше песен» равных мне не было. Участники викторины должны были по мелодии, сыгранной баянистом, определить название песни, пропеть её, если знаешь. До финального раунда дошёл вместе со мной симпатичный мальчишка со смешным именем и фамилией Фима Соскин. Но силы были неравны: я, кроме множества названий и мелодий песен, знала ещё и многих авторов музыки и стихов, поэтому легко и чисто победила и получила приз, который до сих пор у меня в детском книжном шкафу: «Жизнь и приключения Лемюэля Гулливера». С памятной надписью.

Наш отряд. В центре сидит – Лиля Савинская, третий слева – Фима Соскин. Я – вторая слева во втором ряду.

Так что из лагеря я вернулась «с победой». Это было не удивительно, потому что сильна была во мне папина песенная закваска, да и не прошли бесследно занятия в школьном хоре.

Школьный хор в то время имел особую категорию ценности. Если бы можно было сказать так о хоре местного, пусть даже городского значения, несомненно, наш хор мог бы претендовать на «народное достояние». Во всяком случае, именно так относилось к нему руководство нашей школы, прилагая все усилия сохранить хор и приумножить его успехи.

В те времена – 50-е-60-е годы прошлого(!) столетия, довольно бурно развивалось и поощрялось народное творчество. Частыми были районные и городские смотры художественной самодеятельности, популярны были так называемые

фестивали русского, украинского и других национальных искусств. Работали самодеятельные драматические, танцевальные, вокальные коллективы. Всё это было бесплатно и доступно всем желающим проявить свою творческую личность, были бы хоть какие-нибудь к этому способности. Всевозможные кружки работали при школах, в клубах, в Домах (Дворцах) пионеров.

А наш школьный хор был на особом счету. Неоднократный победитель многих творческих конкурсов, лауреат смотров разных уровней, он славился и репертуаром, и солидной численностью участников, и – что немаловажно – неординарным руководителем. Звали его, по-моему, Николаем Николаевичем (я могу ошибаться в отчестве). Прозвище – Кока, или Манюня. Манюня – потому что так он называл, во-первых, свою маленькую гармошечку – концертино, используемую в качестве камертона, а во-вторых, так ласково-шутливо он обращался к нам.

Надо сказать, что мы не особо жаловали репетиции хора, проводившиеся регулярно – не менее двух раз в неделю – в спортивном зале школы. Длились они по два-два с половиной часа. Для нас это было невыносимо долго, поэтому при каждой малейшей возможности мы старались улизнуть через боковой выход в школьный двор – и дальше! Но начеку была завуч Лидия Николаевна, которая, после окончания уроков, расставив широко руки, грудью загораживала амбразуру выходной двери, загоняя всех в спортзал. Боковые выходы «прикрывали» мобилизованные с этой целью педагоги, нянечки и остальной личный состав педколлектива школы. Таким образом, методом, скорее «кнута», чем «пряника», необходимый кворум всё-таки создавался, и репетиция начиналась.

Николай Николаевич (условимся его так называть) каждую репетицию начинал с классической распевки со всякими «а-е-и-о-у, и-е-а-о-у», «на-не-ни-но-ну.» и так далее. Потом приступали к разучиванию песен. Широкой полифонии не было, но двухголосие и даже трёхголосие (как в «Реве та й стогне Дніпр широкий») у нас звучало достаточно красиво и убедительно. Были замечательные солисты, имён которых я, к сожалению, не помню. Это были девочки из старших классов.

Репертуар хора был достаточно разнообразный. Конечно, отдавая дань идеологии, пели «Ленин всегда с тобой», «Марш энтузиастов», «Марш коммунистических бригад» и т.п. Но были у нас и народные песни («Земелюшка-чернозём», «Задумала бабусенька», «Ой, лопнув обруч»), и детские («Цып-цып, мои цыплятки», «У дороги чибис», «Скворцы прилетели», «Чайка крыльями машет», «Встану рано поутру»), и классические «Пой, ласточка, пой», «Жаворонок» Глинки, хор «Славься!» из оперы «Иван Сусанин». Особенно удавались нам украинские песни. Почему-то очень чувствительно задевали они наши души и вдохновляли на самозабвенное исполнение. Как будто мы – почти дети – могли что-либо знать и понимать в том, что являлось их темой – в любви. Но чарующие, нежные мелодии завораживали нас, и мы словно проживали с этими песнями чужие радости встреч, горечь разлук и неизбежность расставаний. До сих пор помню, как проникновенно звучали «Не щечечи, соловейко», «Жайворонок», «Думи», «Тихесенько вечір на землю лягає»...

Не зря славится необыкновенной мелодичностью, искренностью украинская песня по всему свету, не зря остаются до сих пор популярными, исполняемыми самыми известными вокалистами украинские песни и романсы, созданные много десятилетий назад.

Я уже не говорю о народном признании этих песен. Как известно, ни одно широкое застолье не обходится без них. И это не только в пределах неньки-Украины, а повсеместно, на территории всего бывшего нашего великого государства СССР да и за её пределами.

Но одна песня, известная и любимая давно и, видимо, надолго многими поколениями, была особенной в репертуаре. Это шевченковское «Реве та й стогне Дніпр широкий», положенное на музыку Даниилом Крыжановским. Имя композитора еле разыскала в Интернете, ведь песню давно считают народной. Наверное, это и есть высшая степень народного признания и любви. Именно благодаря исполнению этой песни наш хор был отмечен многочисленными наградами.

Репетировали мы её очень долго, ведь исполнялась она а-капелла на три голоса. Это довольно сложно для обычных школьников, подавляющее большинство которых музыкальной грамоты не знало. И наш Николай Николаевич вынужден был опираться только на врождённый музыкальный слух участников, на свой талант руководителя да на старание и дисциплину хористов. Но эта песня, видимо, настолько органично соединила в себе стихи и музыку, что всякий раз невозможно было без волнения петь её, как будто заново проживая и переживая задуманное авторами.

...И мы пели эту песню каждый раз так проникновенно, будто наяву перед нами предстала картина грозного природного явления – бури на Днепре, как будто чувствовали, как металась в страхе человеческая душа, охваченная смятением и ужасом перед стихией и надвигающимся несчастьем...

... И каждый раз наш Кока-Манюня показывал нам *свой* спектакль. Дирижируя хором, всё его естество каждый раз проживало драму, описанную буквально в трёх строфах великим поэтом. Все оттенки чувств, порождаемых музыкой и стихами, бушевали на его лице. И мы, глядя на его мимику, необычную и слишком подвижную для человека в обыденной ситуации, может быть, нелепую, даже смешную (тем более для детей) – никогда не смеялись над этим. Мы как-то притихали, напрягались, внимательно следя за его руками и лицом, и послушно, старательно – то тише, то громче – следуя знакам и движениям его рук, лица, выпевали слова, звуки, повторяли интонации, строго соблюдали паузы, как он нас учил на репетициях...

...Кончалась песня, и обязательно на какое-то мгновение воцарялась тишина. И мы стояли, не в силах отринуть сразу от себя мир бушующей стихии, будучи в её власти, и зрители тоже не сразу реагировали на наше исполнение.

Учебные годы меняли друг друга, делая нас старше класс от класса. Появлялись новые предметы, новые учителя. Мы каждый раз с нетерпением ждали этого.

Помню, как интересно было перед 1 сентября покупать новые учебники. Мама выдавала какие-то деньги, и мы, собираясь чаще всего дворовой компанией, ходили на школьный базар за учебниками, тетрадями, дневниками, карандашами-ластиком, ручками... Школьные базары открывались в том числе и на главной улице – Советской, это было ближе всего от нашего дома. Выставлялись длинные прилавки-лотки, где было видимо-невидимо (по нашим тогдашним меркам) всякой полезной всячины. Хотелось купить всего: и учебников, и тетрадей, и каких-то блокнотиков. Но деньги выдавались обычно под определённые затраты, прежде всего, на учебники, поэтому приходилось соблюдать, как сейчас бы сказали, «режим экономии». В первую очередь – учебники.

Вот передо мной – «Физика» Пёрышкина – учебник «на все века». Сколько поколений учеников до меня и после меня учили физику именно по нему! Я даже к поступлению в институт готовилась именно по Пёрышкину. И не подвёл ведь, миленький! Всё в нём было изложено просто, доступно для понимания и не требовалось никаких репетиторов, чтобы втолковать в ученические головы законы Ньютона, Кирхгофа и тому подобную премудрость.

Помню, как приятно и интересно было внести в дом только что купленную стопку вкусно пахнущих новых учебников, удобненько усесться, и ... начинать читать. Хрестоматии прочитывались быстро. Учебники по всяким новым предметам – пролистывались, изучались картинки. И предвкушались встречи с новыми преподавателями. Об этих преподавателях, как правило, мы были наслышаны от старших дворовых собратьев – от Вовки Корсунского, Витьки Зельцера. Причём, в совершенно разных версиях. Дело в том, что Володя Корсунский (Кора) учился хорошо, и об учителях отзывался неплохо. А Зельцер (Зеля) был известным разгильдяем, поэтому разносил в пух и прах всех подряд преподавателей, которые ставили ему тройки и двойки, запугивал нас всячески, предрекая «завалы».

Интересно, что на мой школьный век выпало немало учителей-мужчин, что не очень характерно для средней школы. В 5-м классе математику у нас вёл очень смешной и нелепый, крикливый, но добрейший Соломон Борисович Шефталович. Я до сих пор помню, как он кричал на нерадивых, по его мнению, учеников. Вот буквально, без купюр: «Идиёты! Паразиты! Государство на вас деньги тратит, а **ви** тут сидите, только штаны протираете! В тюрьму вас!» Если представить его картавость, характерный национальный выговор, невысокий рост с круглым животиком, веснушчатую лысину, то сами понимаете, эффект был противоположен тому, на который он, видимо, рассчитывал. Не запугать можно было этим, а только рассмешить. Дальнейшая его речь касалась уровня возможных достижимых знаний: «Бог знает на 5, я знаю на 4, вы все – оболтусы и негодяи – на 3 и на 2!»

Но наступал час X – контрольная работа. Важно писал на доске 4 варианта контрольных заданий. Ходил в процессе урока, метая грозные взгляды из-под очков – мол, я вам сейчас покажу! - между рядами, за которыми шло массовое списывание. Больше того, случалось, что весь класс писал один вариант. Бывало, что тетрадь с контрольной работой приносили через день-два, на следующий урок – «Честное слово, Соломон Борисович, случайно в портфель положил и унёс домой!» И что вы думаете? Этот добрейший человек всё принимал, всему верил! Или делал вид, что верит?!

...А оценки за контрольные работы, как правило, ставил хорошие и отличные. Редко – тройки. Ну, ещё бы! – ведь все списывали с «правильных» работ!

Недолго он у нас пробыл – заболел, и о его дальнейшей судьбе я ничего не знаю.

Только в старшем, по-моему, в 7-м или 8-м классе к нам пришла Полина Майоровна Терняк. Вот она-то «снимала стружку» со всех нерадивых и лентяев, и навела порядок в наших головах. Так до девятого класса и довела нас эта замечательная женщина.

Физику преподавала Эльза Карловна Герман. Прекрасный педагог, знающий предмет и умеющий найти общий язык со всеми. Очень ироничная и остроумная - не дай Бог, попасться ей на язык – станешь посмешищем для всего класса. Почему-то её особенно уважали наши мальчишки. Генка Голунов, например, говорил, что в школу он

ходит «часто из-за Эльзы». И она, между прочим, тоже благоволила к мужскому полу. Так что взаимопонимание было полным.

Очаровательной, добрейшей и удивительно артистичной была учительница географии Юлия Карповна. Я вспоминаю, как она рассказывала о пустынях – это был просто моноспектакль! В ход шло всё: указка, руки, журнал! А как менялся голос в процессе рассказа! Использовались разные уровни громкости – от театрального шёпота до восторженных возгласов со всевозможными модуляциями! Смысл же её повествования в данном случае был в том, чтобы донести до нашего сознания пейзажные и климатические особенности пустынь – монотонность, жару, безводие, безлюдие... Ну вот какими приёмами вы бы при этом пользовались? Исключая речь? А она – могла использовать буквально всё: жесты, мимику, близлежащие предметы! В первый раз мы чуть не плакали. От смеха. Потом мы к ней привыкли, подружились, полюбили.

Странную память о себе оставил учитель черчения Владимир Андреевич Филевский. Методика его преподавания сводилась к полуграмотным «командам»: «10 миллиметров *униз* – проведите горизонтальную осевую. 20 миллиметров *управо* – проведите вертикальную осевую. Раствором циркуля 20 проведите окружность». Остальные «объяснения» были сродни описанным. Толку от таких занятий было мало.

Когда я поступила в институт, и мне пришлось изучать инженерную графику, начертательную геометрию, расчёты и конструирование механизмов и приборов, которые требовали не просто твёрдой, уверенной руки, но хорошего пространственного воображения, понятия и ощущения перспективы, я полной мерой вкусила «плоды» школьного обучения черчению. Пришлось корпеть и корпеть, часами занимаясь в чертёжном зале, прежде чем я догнала в этих науках многих ребят, с которыми училась.

Зато проблем не было ни с химией, ни с физикой, ни с математикой, ни с иностранными языками – такую хорошую основу заложила в меня моя школа.

Очень приятно вспомнить нашу симпатичную «англичанку»- армяночку Нелли Ивановну Адамову, какое-то время бывшую нашим классным руководителем, чему мы были рады; учительницу русского языка и литературы Валентину Фёдоровну Саржевскую; учителя истории, ставшего впоследствии директором школы, Святослава Ивановича Левченко. Все они вызывают в памяти тёплые, добрые чувства.

Я любила учительницу химии Ефетову (Томашпольскую) Веру Осиповну. Мне нравилась химия (как и многие другие предметы), легко давались и задачи, и уравнения реакций. Ходила к Вере Осиповне на химический кружок вместе с Симой Пельц. Участвовала (и успешно!) в городских олимпиадах по химии. Интересно, что мы втроём – Сима, я и Вера Осиповна встретились после всех «передрыг»- переходов из школы в школу - в 5-й школе. И продолжили занятия химией. Вера Осиповна возлагала на нас с Симой большие надежды в части дальнейшего изучения химии в вузе. Но её надежды оправдала только Сима – она закончила химико-технологический институт им. Менделеева в Москве. А я пошла совсем другим путём, у меня были свои планы, которые Веру Осиповну очень разочаровали, как она впоследствии сказала моей маме.

До прихода к нам Нелли Ивановны Адамовой, то есть в 6-7 классах, английский язык нам преподавала Фаина Александровна Волькенштейн. Ни откуда она пришла, ни куда она делась потом, я не знаю. Но след свой она оставила, и след очень неординарный.

Внешне она была довольно непривлекательна: очень высокая, крупная, всегда в одинаковом наряде, с одинаковой причёской. Мы, девчонки, всегда замечали такие подробности. Внешняя привлекательность в таких профессиях, как педагог, врач – очень важна. И любое отступление от этого сразу примечается и оценивается. Так, мы заметили даже, что обувь и одежда летняя у Фаины Александровны отличаются от обуви и одежды зимней только цветом: светлым или тёмным. А модели (фасоны) одни и те же. Голос у неё был громкий, «командирский», не прислушаться к нему было невозможно. Даже общаясь вне урока, по-русски, она букву «р» проговаривала «нёбно», как это положено в английском. И мы вначале, когда кто-то из руководства школы её представлял, струхнули. Но потом оказалось, что зря, это – всего лишь внешность. Фаина Александровна оказалась терпеливым, доброжелательным человеком, с удовольствием занималась с нами английским и на уроках, и на дополнительных занятиях, которые могли состояться в любое время, по желанию ученика. Мы к ней быстро привыкли и легко ладили.

И вдруг она объявляет нам, что собирается разучить с нами и поставить на нашей школьной сцене спектакль «Золушка» на английском языке. Мы были очень взволнованы, взбудоражены! Как распределятся роли? Кто будет Золушкой? Принцем? Мачехой, в конце концов?

Ну конечно, право распределения ролей оставалось исключительно за Фаиной Александровной. А она исходила, прежде всего, из соображений языковой подготовленности. И вышло так, что выбор пал на меня – мне была поручена заглавная роль – роль Cinderell'ы (Золушки). Мне это было, безусловно, приятно. Но и страшно. Необходимо было очень серьёзно готовиться.

Во-первых, нужно выучить много незнакомого английского текста, хоть он и был адаптирован для школьников. Если учесть, что, кроме своей роли, нужно знать и понимать реплики других персонажей, а также то, что Золушка участвует, по пьесе, практически во всех мизансценах, мне нужно было знать на память практически всю пьесу. В общем, дело сложное, но выполнимое: на память и слух я тогда не жаловалась, выучила всё.

Во-вторых, необходимо было понимать этот текст, правильно расставлять акценты, интонации. Я уже не говорю об актёрской составляющей этой работы.

Ну и сами понимаете, что немаловажным для меня, 13-летней девочки, было получить бальное платье настоящей принцессы! Со всей необходимой атрибутикой – украшениями, диадемой, туфельками, в конце концов! Пусть не хрустальными, но достойными столь очаровательного персонажа, как Золушка. Это в те-то времена, когда самым ходовым и доступным материалом для таких целей была обычная хлопчатобумажная марля, а ассортимент девичьей обуви был ограничен туфлями на шнурках или, в лучшем случае, на ремешке с застёжкой...

Конечно, я не надеялась, что мы сумеем дома сотворить такое чудо. Но тут пришла на помощь мама. В маминой школе-интернате, где художественной самодеятельности придавали очень большое значение, где были и танцевальные, и драматические, и хоровой коллективы, нашлись и кое-какие костюмы. Конечно, это было не то, о чём я могла мечтать, но рассчитывать на другое не приходилось. И мы с мамой и бабушкой стали «мудрить». Выбрав из предложенных вариантов более или менее

подходящий, отстирали почти до белизны бывшее ярко-розовое платье из марли - костюм из какой-то интернатовской постановки, накрахмалили до состояния «стоячего». Очень трудно было утюжить пышную юбку. Смастерили ещё пару нижних юбок, для большей пышности. Какие-то украшения, заколки – нашли. Туфли взяли мамыны (великоваты, на каблучке, но сошли).

И вдруг опять проблема.

Во-первых, нужно соорудить Золушке «грязный» наряд.

Во-вторых, этот наряд должен удобно и быстро сниматься, когда Фея прикосновением волшебной палочки превращает Замарашку-Золушку в Принцессу.

В-третьих - что с причёской? Куда девать мои косы? И как потом из них соорудить Принцессину причёску?

В общем, опять не без помощи соседей придумали: широкий халат и фартук взяли у соседки - бабушки Михайловны, на них нашли множество разноцветных заплаток. Косы свернули втрое каждую, вставили проволоку, чтобы торчали в разные стороны. Лицо «разукрасили» чем-то чёрным. Парусиновые туфли 44 размера дал «поносить» сосед дядя Саша.

Что касается многочисленных репетиций, то я запомнила то, что проводя их, Фаина Александровна больше обращала внимание на правильное английское произношение, чем на артистичность исполнителей.

В общем, волнений было столько, что казалось, не дождемся премьеры, выдохнемся. А премьеру назначили на предновогодние праздники.

Сразу скажу, что слабо помню, как было всё на самом вечере, так сильно я волновалась. Но, по реакции и отзывам, всё прошло сносно. Не вдаваясь в тонкости «драматургии и сценографии». Вот только помню, что мальчишеская часть публики весело «ржала», когда я показалась впервые с измазанной физиономией, в огромных дядисашиных парусиновых туфлях, с метлой, и начала первый монолог:

My name is Ella. But people call me Cinderella. I make the fire, I sweep the floor, I dust the room...

(Дальше текст не помню, так, обрывки.)

Постепенно, с помощью учителей и самой Фаины Александровны, зал утихомирился, всё пошло более или менее ровно, и закончилось, как и предполагалось. Но мне кажется, мало кто в зале вникал тогда в произносимый текст, тем более на английском языке.. Хорошо, что хоть сказка знакомая, «синхронного перевода» не требовалось. Зато каждое появление нового персонажа в самодельном костюме вызывало в зале оживление. Ну а превращение Синдреллы (Золушки) в принцессу вообще прошло благополучно: в нужный момент меня «занавесили» простынёй, халат, надетый поверх бального платья, быстро и без помех расстегнулся, косы расплелись быстро, их тут же причесали и прикололи «диадему», и я достойно «явилась» почтеннейшей публике в виде сказочной принцессы. Всё прошло, как задумывалось, и дальше: и от принца убежала, и туфельку вовремя потеряла.

Аплодисменты мы, конечно, «сорвали». Видимо, не зря – за героические усилия и стоицизм Фаины Александровны, сумевшей и нас организовать, и обуздать «дикие силы» в зале.

По-моему, мы этот спектакль сыграли дважды. Помнится, ещё на каком-то вечере – то ли к 23 февраля, то ли к 8 Марта. И на этом наша театральная деятельность на иностранном языке прекратилась.

...Но Фаина Александровна оставила всё-таки след в моей душе. И сейчас помню:

“My pretty little shoe! I shall never, never put you on again!..”

« Моя прелестная маленькая туфелька! Я никогда, никогда снова не надену тебя!...»

Конечно, все школьные мероприятия, взросление, появление новых интересов постепенно отдаляло нас от дворовых забав. Всё реже становились вечерние «посиделки», всё чаще встречи во дворе с бывшими неразлучными друзьями ограничивались коротким «Привет!». Правда, я училась в одном классе с Гришей Бассом из соседнего подъезда, с Людой Золочевской, тоже близкой соседкой. Но каждый из нас уже был настроен на «свою волну» интересов, предполагавшую новых друзей, новые занятия и развлечения.

Значительную часть моего внешкольного времени занимал спорт.

Началось увлечение физкультурой ещё с младших классов. У нас были две преподавательницы физкультуры – Зинаида Степановна и Зоя Николаевна Жукова. Зинаида Степановна была грубовата, резка, очень спортивна внешне, даже, по-моему, излишне мужественна. Зою Николаевну – молодую, симпатичную и приветливую – мы любили. К ней на занятия спортивной гимнастикой я и начала ходить. Даже получила какой-то незначительный юношеский разряд. Но потом, благодаря Зинаиде Степановне, открывшей для меня спортивные игры, я влюбилась в баскетбол. И, бросив гимнастику, стала ходить сначала в школьную секцию, а потом в детскую спортивную школу. ДСШ размещала свои спортивные площадки на территории школы №5, где мне, волею судьбы, пришлось впоследствии учиться.

Тренер ДСШ, в команде которого я занималась, был довольно известен в спортивных кругах – Алексей Иванович Тихонов. (Позже, в Севастополе, я нашла этому подтверждение у своих новых, институтских тренеров). С ним было интересно и трудно, он был очень требователен к общефизической подготовке и часто «изводил» нас легкоатлетическими упражнениями, бегом. Даже в футбол играли на тренировках!

Баскетбол в те времена был иным. Наличие высоких игроков («столбов») для игры под кольцом было, конечно, желательным, но популярная тогда тактика игры «зоной» позволяла играть и достаточно низкорослым игрокам, как я, например. И я с удовольствием тренировалась, участвовала в соревнованиях. Правда, особо выдающимися достижениями похвастаться не могу. Может быть, ещё и оттого, что слишком многое хотелось попробовать, успеть, не упустить ещё чего-то интересного.

Яхт-клуб.

В летний период тренировки переносились на открытые площадки Яхт-клуба. Мы, 14-15-летние девочки, любили эти тренировки ещё и потому, что там же свои летние занятия проводили и волейболисты, и гребцы, и «ручники» (ручной мяч). Все эти виды спорта нам – мне и моей подруге Тане Лоханиной – было интересно попробовать: мы и переворачивались на каноэ, и гребли на байдарках, и пытались ходить под парусом, и играли в волейбол – наш тренер Алексей Иванович Тихонов, в разумных пределах, это только поощрял.

Правда, «разумные пределы», в нашем понимании, иногда отличались от общепринятых. Однажды мы с Таней узнали, что можно прыгнуть с парашютом с ДОСААФовской вышки. Вот какой высоты была эта тренировочная вышка, не помню. И мы задумали это осуществить. Но оказалось, что «детям до 16-ти» необходимо разрешение родителей. Их реакция была естественной и предсказуемой – отказ! Мелькнула было у нас мысль подделать почерки родителей в нужных документах – справках, но всё-таки разум восторжествовал, не пошли на такой риск. Отложили до лучших времён. Так и осталась неосуществлённой наша мечта о «полёте наяву».

Там же, в Яхт-клубе, мы с Таней увидели тренировки теннисистов. Нам очень понравилась игра, и мы попросились к их тренерам на обучение азам большого тенниса. Они нас с охотой приняли, кое-чему успели научить. И параллельно с баскетболом я стала посещать ещё и теннис. Это впоследствии очень помогло мне поддерживать физическую форму, да и просто получать удовольствие, после того, как я рассталась с баскетболом. Ведь большой теннис не имеет особых ограничений по возрасту. И я долго играла в любительских секциях на грунтовых кортах, зимой – в

закрытых помещениях. Ещё и сейчас изредка могу выйти с ракеткой на ближайший корт, правда, в основном, к тренировочной «стенке».

Но баскетбол сыграл в моей жизни очень важную роль. Можно сказать, судьбоносную. Когда на первом курсе преподаватели кафедры физвоспитания проверяли физическую подготовленность новых студентов, обратили внимание на мои игровые навыки и предложили тренироваться со сборной командой института. Я с удовольствием согласилась. На первой же тренировке на площадке обратила внимание на высокого, стройного парня, который выполнял броски по кольцу из разных точек поля с практически 100%-ным попаданием. При этом он бросал правой рукой, а левая была на перевязи и в гипсе. Как я узнала, сломана. Это был капитан сборной команды нашего института, студент 4-го курса Витя Карпенко. Конечно, я была «сражена» наповал. Как оказалось, не без взаимности.

Прошло совсем немного времени, и мы с ним стали почти неразлучными. Эти месяцы романтических, светлых и волнующих отношений хранятся в памяти до сих пор. До сих пор у меня в столе хранятся и многочисленные письма, которые он писал мне, когда расставания были неизбежными.

Возвращаясь к теме баскетбола, с удовольствием вспоминаю, как он был популярен в 60-е годы, наряду и с другими спортивными играми. В Севастополе были два высших военно-морских училища, наш вуз, детско-юношеские спортивные школы. Все они имели достаточно сильные команды – баскетбольные, волейбольные, по ручному мячу, ватерпольные. Спорт активно культивировался, регулярными были соревнования разных уровней. И мы принимали в этом активное участие и как игроки, и как болельщики. Часто ездили на иногородние состязания, особенно в Симферополь, где самыми серьёзными соперниками в баскетболе для нашей команды были команды медицинского института и факультета физвоспитания педагогического института. Мальчики чаще всего возвращались победителями, мы – далеко не всегда.

Но как мы умели и любили «болеть» за наших! В Севастополе все наиболее значимые игры проходили в спортзале «Спартак» (бывшая караимская кенаса). Это в центре, на Большой Морской. Зал не был рассчитан на большое количество зрителей. А нас, болельщиков, набивалось туда столько, что страшно было за антресоли, на которых мы стояли. Кричали, свистели, топали! Переживали за каждое очко, за каждое решение судьбы!

А как праздновали победу! Поздно вечером шли по Большой Морской, потом по проспекту Нахимова к гастроному №45, который, единственный в городе, работал до 24 часов и в это время как раз получал горячий хлеб с хлебозавода. И мы, выпросив заветные горячие буханки, шли на Приморский бульвар, сидели там иногда ночь напролёт, забывая о том, что утром – на занятия. Да кто в таком возрасте переживает из-за таких «мелочей»?! Главное – это радость победы, это то, что мы вместе! (Ну а я – что вместе с Витей!).

Матчи проходили и в других спортзалах, и на открытых площадках. Но «болели» мы везде с не меньшей активностью.

Матросский бульвар. На линии штрафного броска – Виктор Карпенко.

Начиная с 1965 года, стали проводиться баскетбольные матчи на Кубок городов-героев. Первый такой матч состоялся в городе Волгограде. Ездила туда и наша сборная. Кубка мы не завоевали, но поездка оказалась очень интересной. Помню очень торжественную обстановку открытия матча, имевшего, видимо, большое политическое значение: ведь это был год 20-летия Победы. Сильное впечатление произвёл на нас сам город, вытянувшийся почти на 70 км вдоль берега Волги. Полностью разрушенный во время Великой Отечественной войны, как и Севастополь, он постепенно отстраивался, возрождался. Воздвигался мемориальный комплекс Мамаева кургана, как символа Победы. Во время нашего приезда этот памятник, возводимый по проекту скульптора Вучетича, был ещё не достроен. В лесах были некоторые скульптуры, не готов Пантеон. Но и то, что мы увидели, не могло не впечатлить нас, уже считавшими себя жителями другого славного города-героя – Севастополя.

В последующие годы такие матчи проводились в Ленинграде, Одессе, потом эта традиция исчезла.

Вот и получилось, что спорт присутствовал в моей жизни всегда. Может быть потому, что муж – спортсмен, долго не бросал игру, и я вместе с ним. Да и среди наших друзей всегда были либо спортсмены, либо люди, которым спорт был всегда интересен. И до сих пор лучшие друзья, которые рядом всю жизнь, в основном, – это коллеги по спорту и учёбе в институте.

...Недавно я ходила с друзьями на баскетбольный матч чемпионата Украины в премьер-лиге в спортивный зал комплекса «Муссон». Севастопольская команда тоже называется «Муссон». После игры, победной для нас, подошли к большому, на всю стену, панно – «История Севастопольского баскетбола». Увидела,

среди прочих, большое фото Виктора с мячом, на площадке. Было приятно... и ком в горле.

В классе у меня был постоянный и верный друг, которого я уже упоминала – Гена Голунов. Гена познакомил меня со своими друзьями – футболистами юношеской сборной команды города. Сам он был вратарём, другой вратарь команды – Костя Уралец – вскоре стал играть за николаевский «Судостроитель», а потом был приглашён в Одессу, где некоторое время играл за команду «Черноморец». Володя Трофимишин – нападающий, Витя Лысенко – защитник – тоже впоследствии играл за «Черноморец»; Валера Алексеев – не помню его роль на поле. Все они, конечно, были истинными болельщиками за наш николаевский «Авангард» (впоследствии - «Судостроитель»), не пропускали ни одного сколько-нибудь значимого матча. Подружившись с ними, и я приобщилась к «армии» болельщиков и часто ходила с ребятами на футбол.

Игры проходили на стадионе «Авангард». (Новый стадион ещё не был построен). Хорошо помню, как в дни матчей по улице Садовой, по направлению к стадиону, болельщики шли целыми колоннами, как на демонстрации. По обе стороны улицы, «принимая парад» болельщиков, располагались со своим «товаром» бабушки-продавщицы семечек. В дни матчей их продукция пользовалась особым спросом: жареные семечки были обязательным атрибутом «настоящего фаната».

Папа мой тоже был футбольным болельщиком, так что был приятно удивлён и рад, что я вдруг стала поддерживать его увлечение.

А мне ведь, кроме прочего, просто было интересно в компании этих мальчиков. Они относились ко мне очень уважительно, можно сказать, бережно. Может быть потому, что я считалась «девушкой Гены», была всегда под его защитой, а его ребята очень уважали. По причине собственной симпатии к нашей компании, к нам присоединялся абсолютно равнодушный к спорту Толя Змиевский, часто с нами бывала моя подруга Галя Папсуева. Всегда было очень весело, много смеялись. Найдя объект для насмешек, не упускали его до конца. Чаще всего это был Толя Змиевский, ну и ещё Валерка Алексеев. Они оба – добряки, незлобивые, не обидчивые, вот остальные и пользовались этим.

Конечно, мальчишки-футболисты «болели» искренне и со знанием дела, не то, что я, особенно сначала. Они знакомили меня с правилами и тонкостями игры, объясняли всякие позиции, складывавшиеся на поле, и я постепенно тоже «вошла в тему», как сказали бы сейчас (вот же вьедливый этот новый сленг!).

Футбол в Николаеве, да и не только в Николаеве, был в те времена очень популярен. Я помню, как приезжали на матчи болельщики из городов-соперников: из Херсона, когда играл их «Металлист» - на грузовике, большая группа людей, с флагами; из Одессы – на игру «Черноморца» или СКА с транспарантами, лозунгами. Но вели себя хоть и шумно, эмоционально, что, конечно, понятно, но вполне достойно, не то, что нынешние фанаты. Драк, во всяком случае, я не помню. Сейчас же я с ужасом смотрю по телевизору на то, что творится на стадионах – и наших, и зарубежных. Получается, что там, где с исторических времён должны пропагандироваться и культивироваться красота человеческого тела, движения, культура, наконец – здоровье, сейчас творится полностью противоположное. Страдают и спортсмены, и зрители. Возмущает и то, что часто происходит всё это не спонтанно, а подготовленно, заранее спланированно.

А вот я хорошо помню, как «мои» ребята защищали меня даже от словесных непристойностей, без которых подобные зрелища не происходят. И усаживали на определённые места, подальше от возможных прецедентов, и замечания делали, кому следует. Бывали на этой почве и конфликты – это же Николаев, и это почти Слободка (считавшийся небезопасным район города)!

Но в основном, всё обходилось благополучно. Игры, как бы ни заканчивались – победой или другим результатом – всегда были для меня интересны, потому что мне нравилось ещё и наблюдать за публикой. Ведь человек проявляет свои эмоции по поводу происходящего на поле, в зависимости от своего характера, темперамента, воспитания. И возникало столько курьёзных ситуаций, что я часто отвлекала своих спутников - «настоящих» болельщиков, от игровых моментов, указывая на забавные сценки, создававшиеся на трибунах, чтобы вместе посмеяться.

Из футболистов команды «Судостроителя», кроме Кости Уральяца, помню очень известного в те времена Павла (Пашу, как его называли болельщики) Худояша. Невысокого роста, с очень кривыми ногами, но шустрый, вёрткий, он часто становился героем матчей. Мне даже подарили фотографию, запечатлевшую момент, когда он забивает гол в ворота противника - в самую «девятку» - «ножницами», в перевороте через голову. Я не была свидетельницей этого гола, но знала о нём по рассказам своих друзей и полностью разделяла их восторг. А фотографию позже выпросил у меня кто-то из моих близких, так она и «канула», а жаль.

И вот только сейчас довелось познакомиться с печальным дополнением к моему рассказу о николаевском футболе, которое я привожу.

21 марта 2012 года на 87-м году жизни перестало биться сердце ветерана николаевского футбола, легендарного защитника «Судостроителя», мастера спорта Советского Союза Павла Ивановича Худояша. Павел Худояш родился 7 марта 1926 года в городе Николаеве. В юном возрасте участвовал в Великой Отечественной войне. О том, как воевал, говорят его боевые награды, среди которых орден Славы 3-й степени. Футболом начал заниматься в 1945 году. Выступал в команде Группы советских войск в Германии, сборной Черноморского ВМФ, ВМС, одесском «Металлурге», тбилисском ОДО и ленинградском «Зените». В составе сборной Ленинграда в 1956 году занял четвертое место на футбольном турнире I Спартакиады народов СССР. За это достижение удостоен звания мастера спорта СССР. В николаевском «Авангарде», позже переименованном в «Судостроитель», дебютировал в конце 1957 года. В основном играл на левом фланге защиты, но иногда и в линии нападения. За неполных пять лет провел в чемпионатах Советского Союза 120 игр и забил 12 мячей. Вице-чемпион УССР 1960 года. Павел Иванович окончил факультет физического воспитания Николаевского педагогического института, курсы тренеров в Москве и много лет посвятил воспитанию юных футболистов. Среди его воспитанников Евгений Деревяга, Иван Балан, Павел Николаес и другие известные игроки.

...Ходили мы иногда с мальчишками и друг к другу на игры – болеть: они – за меня, в баскетбол, я – за них, в футбол. Потом тоже много и долго всё обсуждали, издевались над своими оплошностями, вспоминали смешные моменты. Было приятно

сознавать, что мы – единомышленники, что спорт нас объединяет и делает искренними друзьями.

Отношение к спорту, как к интереснейшей составляющей жизни, оставалось неизменным в нашей семье. Витя довольно долго играл в своей институтской команде, позднее – за ветеранов. Ездил с командой даже за границу – в Польшу, Венгрию на матчи ветеранов баскетбола. Семьёй мы ходили на все наиболее значимые соревнования по баскетболу в городе, часто с друзьями ходили на футбольные матчи, приобщили к этому сына.

После института я работала в ЦКБ «Коралл», а позднее - в ЦНИИ СЭТ. Нас, молодых специалистов, да и не только в бытность «молодыми специалистами», а и позднее, часто привлекали для участия в городских соревнованиях (спартакиадах). Приходилось и бегать в эстафетах, и плавать, и стрелять. Соревнования по стрельбе проходили в тире общества «Динамо». Стреляли из положения «лёжа» и, что характерно, довольно успешно (говорят же, что новичкам везёт!). Однажды меня заставили играть в шахматы (чего я абсолютно не умею – знаю только, как ходят фигуры, вспоминая любимого Высоцкого: «Ну а кони - только буквой «г»). Ужасно не хотела, но нельзя было подводить команду - вынуждена была идти и «на шахматы». Шла, тряслась от предстоящего позора, и вдруг повезло: краснеть не пришлось. Потому что играть не пришлось! А команда даже получила очко ... «за неявку соперника». Вот было радости!

Спортивные комитеты тогда были при каждом более или менее солидном предприятии. Работали они довольно активно, организуя нас и стимулируя (где кнутом, где пряником) заниматься физкультурой. И мы, благодаря этому, долго ещё чувствовали себя молодыми, спортивными, лёгкими!

А уж такие события, как Олимпиады, соревнования европейского или мирового уровня в нашей семье не пропускали никогда. Сидели перед телевизором ночами, потом обсуждали с друзьями самые яркие события – победы и поражения.

Интерес к этому не угас и сейчас: в семье сына – тоже все болельщики. В футболе – естественно, за «Зенит» (живут же в Питере!), в других видах – по личным пристрастиям. Мне эта преемственность очень приятна, я иногда посмеиваюсь над ними, поддразниваю, но на самом деле рада, что наша семья продолжает оставаться спортивной. Внук Павел – теперь студент Горного университета – 10 лет занимается спортивным рок-н-роллом – очень красивым, техничным и физически напряжённым видом спорта. Остальные члены питерского семейства Карпенко часто встают и на лыжи, и на коньки, лишь бы позволяло время и погода. Жаль только, что климатические условия Питера не всегда этому способствуют.

...В 8-м классе, в самом начале учебного года произошло из ряду вон выходящее: нас послали в колхоз помогать убирать урожай. Согласитесь, для 15-летних девчонок и мальчишек – это продолжение каникул. Мы были счастливы! Вот только напрочь вылетело из памяти, в какой район и в какое село мы попали. Ну не интересовало меня это тогда, абсолютно всё равно было, где нам предоставят такую замечательную вольницу!

И действительность не обманула наших ожиданий.

Разместили нас по домам местных жителей. Я попала в такую семью вместе со своей подружкой Ларисой Лазаревой.

Приняли нас хозяева очень хорошо, отнеслись как к своим родным детям. Я впервые попала в настоящую сельскую украинскую хату. Несмотря на то, что мы были совсем «зелёными», детьми, нам оказали большую честь - поселили в гостевой комнате, где никто из хозяев не живёт. В русских домах это называется *горницею*. В ней стояла кровать с такой высокой постелью, какой я никогда ещё не видела. Оказывается, это были несколько перьевых перин, положенных одна на другую, да ещё и взбитых. Венчали постель штук шесть подушек, тоже взбитых, как следует. Так что всё вместе почти достигало потолка. Спать на такой постели нам вдвоём с Лариской было не очень удобно – всё время куда-то скатываешься. Да и перины уж очень жаркие. Всё это было непривычно, но гостеприимство хозяев было абсолютно искренним, поэтому приходилось терпеть.

Это Лариса Лазарева, моя подруга с начальных классов.

Каждое утро хозяин приглашал нас на задний двор, где у него была установлена соковыжималка, и вручал нам по большой кружке свежавыжатого виноградного сока из их собственного винограда. Виноградник был рядом, за забором. И сорт винограда был другой, не такой, на котором работали мы. После такого ежеутреннего приёма практически чистой глюкозы, щёки у нас к концу пребывания в этой семье значительно округлились. Но тогда нас это не тревожило, естественно, а было просто вкусно.

Кормили нас на поле. Кормили, конечно, простой деревенской едой. Я помню, завтраки – варёные яйца, молоко, деревенский хлеб. Очень нравились местные обеды с обязательным борщом, к которому на столы высыпали много головок чеснока. Всё шло «на пользу», потому что работали на воздухе, хотя и не слишком напряжённо.

Убирали мы тот самый сорт винограда (технический, не столовый) – «растрёпку», из которого моя бабушка делала вкусную домашнюю наливку. Куда шёл собранный нами урожай, не знаю. Но убирать этот виноград было нетрудно. Он рос раскидистыми кустами, не был подвязан, все гроздья его были снаружи. И мы корзинами таскали его куда-то рядом, особенно не утруждаясь. До сих пор помню, какими липкими были наши руки, одежда, обувь из-за высокой сахаристости этого винограда. Мы, как ни старались, не могли от неё защититься. По примеру сельских жительниц, на головы повязывали платки, несмотря на довольно тёплую погоду, надевали рубашки с длинными рукавами - всё равно сахарная липкость вместе с пылью проникала всюду.

Одноклассники - слева направо: я, Ира Каплун, Алла Шлионская, Рита Златина, Инна Саржевская, Люба Кириленко, Люда Ткаченко. Первый в жизни колхоз!

Вечерами ходили в сельский клуб в кино. Помню, как в те времена – 1960 год - на нас всегда по-особому, оценивающе посматривали местные молодые ребята и девочки и взрослые. Разница во внешнем облике тогда ещё чувствовалась. Это сейчас быстротекущая жизнь «стёрла грани между городом и деревней» - был такой лозунг в хрущёвские времена; и трудно бывает отличить по внешнему виду сельских жителей от городских.

Пробыли мы в колхозе, по-моему, три недели. Приехали, довольные проведённым дополнительным отдыхом от учёбы.

На этом школьная колхозная эпопея не закончилась. Уже в девятом классе, правда, в конце учебного года, по-моему, в мае, нас послали на прополку сахарной свёклы. В этот раз нас поселили в каком-то большом помещении, типа зала в сельском клубе. Это было гораздо веселее, мы были все вместе, у нас было больше свободы. Остальные бытовые условия были примерно такими же, как в прошлом колхозе.

Но работа была очень тяжёлой. Вот когда мы поняли, что такое крестьянский труд. Нужно было полоть сорняки и прорывать всходы свеклы, посеянной рядами. Длина ряда – примерно километр. Под палящим солнцем, согнувшись в три погибели, «пройти» рядок – пытка! По-моему, в отличие от предыдущего колхоза, ещё и была установлена норма, которую выполнить нам никогда не удавалось.

Саша Кудричёв (Кудря), я и Саша Литвинов. Колхоз, 9-й класс.

Всё равно было хорошо: мы были вместе, веселились, как могли, и воспринимали всякие неудобства, колхозные перипетии как отдых от школы, от родительской опеки.

Это Гена Голунов, Валера Алексеев и Шура Циделко. Колхоз!

Мы пока не представляли себе, что нас ждёт впереди расставание, что мальчики вынуждены будут уйти в одну школу, девочки – в другую. А наша уютная, близкая и родная школа №2 превратится, волею недальновидных руководителей, вопреки её благородным историческим корням, в так называемую «школу первой ступени» с восьмилетним сроком обучения. Длиться эта перемена статуса школы будет совсем недолго, вскоре школа №2 опять займёт своё достойное место в системе городского образования и станет полноценной одиннадцатилеткой, гимназией. Но нам, будущим выпускникам 1964 года, эти перемены испортят конец учёбы, выпускные торжества. Придётся расставаться со старыми друзьями, привычной школьной обстановкой и вливаться в новые классы, знакомиться с новыми учителями.

...8-й класс в школе №2, по-моему, оказался переломным во многих отношениях. Мы заметно повзрослели, превращаясь постепенно в девушек и юношей. Сблизились с одноклассниками, чаще стали проводить вместе свободное время. Правда, у нас в 8-А классе было особое «ядро» очень весёлых, жизнерадостных девочек, которые ещё и были очень музыкальными. Некоторые из них к этому времени действительно уже закончили музыкальные школы. У Аллы Шлионской на ул. Свердлова часто собирались небольшие компании. У неё всегда были новые пластинки с современными записями, и сначала девичья, а потом уже и «смешанная» с мальчиками компания с удовольствием танцевала под эту музыку. Очень популярным в то время был чарльстон, позднее сменившийся твистом.

Но мальчики-одноклассники взрослеют позднее девочек. И поэтому особого интереса к этим вечеринкам наши мальчики не проявляли, да и сами девчонки не воспринимали своих одноклассников как «кавалеров» для танцев. «Свои» мальчишки – они и воспринимались как свои, несмотря на бывшие и существующие симпатии.

Это я с Геней Волковым. Прозвище – Рыжий.

А вот у меня была постоянная мальчишеская компания, о которой я уже рассказывала и с которой была неразлучна до конца школьных лет, невзирая на новые знакомства. Как раз в это время у Саши Литвинова и Коли Кабина появились мотоциклы. И вот, пока я занималась баскетболом, ходила на футбольные матчи, носилась по Адмиральской на мотоциклах с Сашей и Колей, с риском «загреметь» под родительские репрессии, мои подружки-одноклассницы познакомились с ребятами чуть постарше. Это были студенты (!) судостроительного техникума, ребята на год старше нас. Вот они-то и составляли «компанию» девочкам из круга Аллы Шлионской, Ирины Каплун, Риты Златиной, Тани Шаповаловой. Несколько позже и я попала в этот круг. Знакомство с этими ребятами было лестным ещё и потому, что они не были уже школьниками, а в нашем понимании, были представителями завидной общности студенчества. Хотя на самом деле – обычные парни, просто многие из них предпочли раньше остальных сверстников начать настоящую взрослую жизнь: закончить техникум, пройти армию. Многие из них потом продолжили учёбу в вузах, успешно их закончили и сделали неплохую карьеру: Вадим Середа в системе Регистра СССР, Виктор Лисицкий стал заместителем генерального директора Черноморского судостроительного завода,

народным депутатом СССР, а потом и членом правительства «незалежной Батьківщини». И я горжусь своими друзьями юности.

Одноклассники - пока ещё вместе: я, Ира Каплун, Рита Златина, Валя Кулиш. Выше на ступеньках - Гриша Басс и Таня Шаповалова.

Как я уже упоминала, меня тоже познакомили с техникумовскими мальчиками. Конечно, приятно было ощущать, как любой девушке, особое внимание к себе, с ними было интересно проводить время. Эти мальчики приглашали нас к себе в техникум на вечера, куда меня родители категорически не пускали – таковы были их правила. Поэтому чаще всего я виделась с ними в компании у Аллы, да ещё провожал домой меня обычно Вадик Середа.

В те годы очень популярны были прогулки по главной улице – Советской. К тому времени она была уже полностью пешеходной. Молодёжь собиралась тесными компаниями и «дефилировала» от памятника Ленину до гостиницы «Украина», попутно оглядывая параллельно «дрейфующих» девушек и парней и бросая оценивающие взгляды на интересных представителей. Смешно сейчас вспоминать это, но ведь в самом деле, это было. И было очень распространено. И сколько завязывалось новых знакомств, появлялось взаимных симпатий!

Вот она – нынешняя улица Советская, «променад» нашей юности.

9 класс: Таня Шаповалова, Валя Кулиш, Гриша Басс, Люда Золочевская, Таня Лоханина и я.

Но пока я всё-таки больше времени проводила со своими старыми и верными друзьями – с Галей Папсуевой (мы с ней подружились в 8-м классе, потом попали вместе в школу №5 и просидели за одной партой до окончания учёбы), и конечно, с Геней Голуновым и Толей Змиевским.

Это был 1962 год. Мы закончили 9-й класс и уже узнали, что наши школьные пути расходятся.

А всему «виной», или причиной школьных нововведений, была идея вместе с вручением аттестата о школьном образовании вручать каждому выпускнику ещё и свидетельство о приобретённой рабочей квалификации. Для этого в учебные программы было включено трудовое обучение. Начиная с 8 класса, два раза в неделю мы работали на настоящем производстве. Мы, девочки из школы №2, «попали» на трикотажную фабрику, а наши мальчики – на какой-то завод.

Мы работали в цехе по перемотке нитей (мотальном, по-моему), как я понимаю, с целью их очистки от грязи, разных ненужных включений и подготовки к дальнейшему процессу изготовления трикотажного полотна. Большущие бобины с намотанными на них нитями (сырьё) устанавливались в нижней части длинных станков. Таких бобин на каждом станке было не менее 20. Конец нити закреплялся на верхней пустой или неполной бобине специальным узлом. Включался двигатель станка, и, пройдя через специальные очищающие отверстия-щели, нить сматывалась на верхнюю, «чистую» бобину». При этом нити постоянно рвались, их надо было ловить, связывать, опять запускать перемотку. Опытные работники обслуживали одновременно по несколько станков. Нам – справиться хотя бы с одним! В беготне вдоль станка проходил весь рабочий день. Было очень скучно, трудно, неинтересно, и для меня – абсолютно бесперспективно. Вдобавок к этому, в программу входила и теоретическая часть – технология изготовления трикотажного полотна с обязательной сдачей экзамена.

Стало известно, что девятиклассниц школы №2, в соответствии с решениями нашего доблестного хрущёвского правительства, переводили в школу №16 для дальнейшей учёбы и продолжения трудового воспитания на трикотажной фабрике. Мальчиков переводили в другую школу.

У меня к этому времени уже были абсолютно ясные, чёткие планы относительно будущей профессии. В эти планы трикотажное производство ну никак не входило! Поэтому я упросила маму, имеющую самое прямое отношение к образовательному процессу, да ещё являющуюся депутатом городского совета, перевести меня в школу №5. Для этого были очень веские основания, о которых хочется рассказать подробнее.

**Всего год назад в жизни всего
человечества произошло 12 апреля
1961 года!**

В космосе – Юрий Гагарин!

Я помню этот день - 12 апреля 1961 года довольно подробно.

День по-весеннему тёплый, но немного пасмурный.

О замечательном событии – запуске космического корабля-спутника «Восток» с Юрием Гагариным на борту - мы узнали в школе. Как мы ликовали! Такое было чувство гордости за страну, за наших учёных, за всех людей, причастных к этому событию Мирового значения! И немножко обидно за себя, что не ты, а кто-то оказался героем-первопроходцем, человеком из сказки, из мечты.

Когда закончились занятия, домой идти - ну совсем не хотелось! И мы с Генкой пошли бродить по городу. Настроение было взбудораженным, радостным, хотелось смеяться и ...почему-то плакать. Что я и делала – то хохотала, то слизывала слёзы. Мы ходили по улицам, по бульвару Макарова, по набережным, где-то останавливались, смотрели на реку. Генка смеялся над моими слезами, шутил надо мной - он всегда был шутником и издевателем! «Клятвенно» обещал, что следующей в космосе буду я (не сдержал ведь, противный, «клятву»!). А я - то смеялась его шуткам, то злилась на него за насмешки надо мной, чуть не прогнала его, почти поссорилась! Но на самом деле он не насмешничал, а просто хотел меня понять, развеселить, утешить. А утешить в чём? Да в том, что это не я – там, в космосе, что меня опередили! Ведь мне всего через 10 дней должно было исполниться 15 лет! И я ещё совсем непосредственно, по-детски воспринимала мир и его яркие, неординарные проявления...

Потом вроде бы совсем уж собрались по домам, но я не смогла... Гена проводил меня, а я повернула назад, по Адмиральской дошла опять до бульвара и долго ещё сидела на скамейке...

Дома потом включила радиолу (телевизора тогда у нас не было) и всё «ловила» сообщения о космическом полёте, которые повторялись в тот день много раз.

Бабушка отнеслась к этому событию более чем спокойно, видимо, не поверив или не признав его своей чистой христианской душой.

Родители, пришли с работы усталыми, они, конечно, знали о Гагарине и тоже радовались и удивлялись, особенно папа. Но восторги проявляли, конечно, не так бурно, как я.

В общем, пережив этот необыкновенный день, утром, проснувшись, я уже точно знала, кем я хочу быть.

Несмотря на ещё совсем детскую непосредственность и максимализм, я всё-таки смогла реально представить себе свои возможности. И, памятуя папино обещание разрешить мне поступать в любой вуз страны, при условии, что я получу медаль за отличную учёбу в школе, решила: я буду учиться в Ленинграде. Политехнический институт с его факультетом радиоэлектроники и автоматики – это то, что может привести к заветной мечте – приблизиться если не к космонавтике, то хотя бы к созданию космических кораблей. А там – думала я, - мало ли как сложится. Может быть, удастся приблизиться и к испытаниям этих кораблей - объектов пока из области научной фантастики, как и мои мечты.

Своими планами я могла поделиться опять-таки с Таней Лоханиной. Она меня поддержала и сама очень заинтересовалась. И мы с ней начали «подготовку». Стали читать научно-популярную литературу о космосе, о достижениях нашей науки и техники, так или иначе связанных с интересующим нас предметом. Такой литературы

издавалось в те времена немало. Незначительные по объёму брошюры в больших количествах лежали обычно на стойках библиотечных залов. Их можно было брать домой или читать в «читалке». Мы набирали их помногу, обменивались ими. Это были популярные рассказы о Вселенной, о попытках человека познать её, о ракетостроении. Узнала я тогда и о первооткрывателях в этой области, в частности, о Константине Эдуардовиче Циолковском. Читая эти книжки, я познакомилась – на очень примитивном уровне, конечно! - и с некоторыми элементами радиотехники, электроники.

Подробно пишу об этом потому, что когда я узнала, что учащиеся школы №5 проходят трудовое обучение на *конденсаторном* заводе, я обрадовалась. Ведь я уже знала из популярной литературы, что такое конденсатор, что он широко применяется в различных электронных и радиоэлектронных приборах, и как много видов этих элементов выпускает промышленность. Это мне вполне подходило! И разве могло это сравниться с трикотажным производством?! И я стала просить маму перевести меня в 5-ю школу.

Правильность моего выбора, на мой взгляд, была подкреплена ещё одним очень интересным событием, непосредственно связанным с городом Николаевом.

6 августа 1961 года в космос полетел Герман Титов. И наша страна стала действительно космической державой. Но как приятно было вскоре узнать, что, оказывается, город Николаев тесно связан с этим событием, благодаря одному своему замечательному гражданину – Топорову Адриану Митрофановичу.

Я позволю себе сейчас привести статью нашего николаевского журналиста Бориса Арова об этом интересном, необычном человеке.

Космонавт и его незримый пассажир

После возвращения из полета космонавт-2 Герман Титов в одном из первых своих интервью сказал, что в полете с ним был незримый пассажир - мудрый школьный учитель, учивший его родителей в Сибири, повлиявший и на его, Германа, воспитание. Звали его Адриан Митрофанович Топоров.

Эта фраза космонавта натолкнула меня и Эмиля Январева снять документальный фильм "Незримый пассажир" об этом неординарном «деде», как в Николаеве уже успели уважительно окрестить Адриана Митрофановича. Это предложение одобрили на Киевской студии документальных фильмов, с которой у нас и до этого было творческое содружество.

В Николаев Топоров приехал в 1949 году. До этого, еще с 20-х годов, был хорошо известен в литературных кругах страны как автор уникальной книги «Крестьяне о писателях». В Николаеве продолжал активную литературно-общественную деятельность. Были написаны и изданы его новые книги "Воспоминания", "Я учитель", "Мозаика" - о своей жизни, о людях, с которыми встречался. Он часто приходил в редакцию, посещал занятия литературного объединения. Общение с ним, как правило, обогащало окружающих. Мы с Январевым лично хорошо были с ним знакомы. И, тем не менее, съемки фильма давались непросто. Адриан Митрофанович к ним относился без особого подъема. Считал, что лучше всего изложить события в литературной форме, верил в неиссякаемую силу и чародейство слова. И надо сказать, он имел на то право. Его устная речь лилась, словно ручей из чистого источника, предельно грамотная. Он категорически осуждал сквернословие, но при этом любил называть вещи своими именами, иногда давал испепеляющие оценки. К нашему сценарию подходил требовательно: чтобы никаких домислов и вольностей. Правда, будучи человеком бескорыстным, иногда позволял себе шутки с намеками, вроде: "И доколе эти журналисты будут на мне зарабатывать", "Вот по сценарию нужно приготовить целый котел пельменей. А за чей счет?". И тут же превращал свои реплики в шутки.

Но одну съемку он встретил с нескрываемым одобрением. Был в то время в Николаеве полупрофессиональный симфонический оркестр, в котором играло немало преподавателей музыкального училища, музыкальных школ и других музыкантов, в том числе и на скрипках Адриан Митрофанович и его внук Вова. Концерт оркестра снимали в огромном цехе завода "Дормашина". В присутствии многих слушателей под сводами цеха звучала IV симфония Чайковского. Крупным планом снимаем сидящих и играющих в оркестре деда и внука Топоровых. Он ведь и в сибирской коммуне "Майское утро" прививал местным крестьянам любовь к классической музыке, ее понимание. Концерт в цехе радовал душу старика. В фильме снимались и Герман Титов, и его отец, и другие. Эта двухчастевка вышла на экраны страны большим тиражом. Вот еще некоторые фрагменты моего общения с космонавтом-2 и его незримым пассажиром:

- Приходите. У меня гость. Догадываетесь? То-то же. Ну, валяй... Это звонил Адриан Митрофанович Топоров. Как-то космонавт Герман Титов ему обещал, что при малейшей возможности навестит. И вот прибыл. Инкогнито. А Топоров посчитал нужным пригласить и меня.

- Был по делам в Киеве, - объяснил космонавт. - Отпросился у Каманина на один день. Мы сидели за скромным столом в квартире у Адриана Митрофановича. Наскоро собранный обед. Обыкновенный, семейный. Это придавало общению собравшихся ту непринужденность, которая раскрепощает, располагает к искренности и доверительности беседующих. А космонавт выглядел и впрямь по-домашнему. Без военной формы, в трикотажной тенниске. Но он светился как бы изнутри. Особенно, когда начинал рассказывать.

А дед сидит и смотрит на Германа влюбленными глазами. Да и когда говорит Адриан Митрофанович, по-особому теплеет взгляд и космонавта. О своем полете Титов рассказывает сдержанно и скромно.

- Все в газетах было написано. Ясно, кое-что пришлось и пережить. В дальнейшем полеты будут более длительными. За космонавтику взялись основательно. Говорит и о том, что хотелось бы познакомиться с Николаевым и николаевцами, но на этот раз не выйдет.

- Я ведь неожиданный гость, - шутит он, - точнее, не официальный. Но вот пришло время прощаться. Прошу разрешения на короткое интервью.
- Нет, не нужно. Не тот случай, - отвечает.
- А если написать просто и коротко о том, что космонавт отдал дань уважения своему учителю.

- Дань уважения учителю? А ведь это правда. Никуда не денешься. Уговорили. Только коротко и скромно.

Под таким заголовком на следующий день и вышла короткая корреспонденция в газете. А через некоторое время он прибыл в Николаев по официальному приглашению для участия во встрече трех поколений.

Мы его встречали на одном из загородных аэродромов. Оттуда сразу же отправились на гостевую дачу. Не успели приглашенные занять свои места за столом, как космонавт обратился ко мне с вопросом:

- А где дед?

Я об этом рассказал секретарю обкома партии Владимиру Александровичу Васильеву.

- Немедленно поезжайте за ним, - услышал я в ответ. - Машина внизу. Дома Топорова не оказалось. Был четверг. Значит, на занятиях литературного объединения. Ну и здесь я его не застал. И вот - как в детективном фильме. В свете фар появилась фигура человека, медленно переходящего улицу. Слегка надвинутая на затылок шляпа. Длинный плащ. Папка в руках. Топоров? Точно. Выхожу из машины, кладу руку на его плечо.

- Следуйте за мной!

Повернулся, увидел меня, улыбаясь, ответил:

- Такое со мной уже было...

Здесь требуется небольшое отступление. Когда у уже 90-летнего Адриана Митрофановича Топорова спросили, в чем секрет его долголетия, он отшутился так:

- Что советуют врачи для сохранения доброго здоровья? Ограниченное питание, физический труд и свежий воздух. У меня все это было в годы лагерного заключения. Объясняю ему цель "погони". Через несколько минут мы на месте. Герман по-сыновьи обнимает старика и усаживает его на почетном, отведенном для космонавта, месте. Все внимательно слушают Титова. И вот после короткого перерыва Адриан Митрофанович вдруг озадачивает присутствующих такой тирадой:

- Уважаемые судари, объясните мне, непутевому старику, вот такую ситуацию. Обращался я с просьбой установить мне персональную пенсию - местную, республиканскую, все равно. Отказали. И вот идет Гоша, как депутат Верховного Совета СССР, в Министерство социального обеспечения, рассказывает сложившуюся ситуацию, и мне назначили персональную пенсию союзного значения. Вот я и думаю: за что? За то, что я долгие годы работал учителем, вел какую-то общественно-полезную работу или потому, что Гоша в космос полетел? Пауза. Общий смех. Герман обнимает Топорова:

- Вот за такую прямоу я вас еще больше люблю.

Веду интервью с космонавтом Германом Титовым по телевидению в прямом эфире. Вначале наш разговор о Николаеве, Черноморском заводе, который на гостя произвел огромное впечатление, о людях, с которыми гость перед этим встречался. И вдруг, неожиданно для самого себя, спрашиваю:

- Герман Степанович! Вот вы, можно сказать, добились в жизни всего: осуществили мечту - полетели в космос, завоевали всенародное признание, удостоены самых высоких наград. Скажите, что нужно для счастья?

Мой собеседник насторожился. Мне кажется, что был даже недоволен таким всеобъемлющим вопросом. И все же после короткой паузы, не спеша, обдумывая каждую фразу, сказал:
- Во-первых, у человека должна быть Родина. Без Родины нет счастья. Во-вторых, должна быть профессия, такая, чтобы по душе - и приносила добро людям. Разумеется, нет счастья без любви, друзей, доброго здоровья. Принимается? Да и кто знает, что нужно для полного счастья и бывает ли оно всеобъемлющим или только иногда посещает нас.

Борис Аров.

Мне хочется привести небольшую справку о жизни Адриана Митрофановича. Я думаю, здесь это будет уместно и полезно.

Топоров Адриан Митрофанович — педагог, писатель, публицист. Родился 24 августа (5 сентября) 1891 г. в с. Стойло под Старым Осколом в семье крестьянина-бедняка. В 1908 г. в с. Каплино Старооскольского уезда окончил церковно-приходскую школу. Учителем служил на Алтае, был одним из организаторов коммун «Майское утро». Учениками Топорова в «Майском утре» были отец и мать, а также дед и бабушка космонавта Г. С. Титова.

Печататься Топоров начал с 1910 г. В периодических изданиях им опубликовано большое число очерков, рассказов и статей. Широкую известность в стране и за рубежом получила книга «Крестьяне о писателях», составленная им в результате многолетней культурно-просветительной работы среди алтайских крестьян. Методы пропагандистской работы Топорова с книгой высоко оценивали М. Горький, Н. Рубакин (русский краевед, писатель, библиограф).

В 1937 г. Топоров был обвинен в контрреволюционной деятельности и репрессирован. Пройдя два лагеря и шесть тюрем, в 1958 г. был полностью реабилитирован.

В автобиографической повести «Я — учитель» многие страницы посвящены родному селу Стойло, Старому Осколу. В 1961 г. на строительстве Стойленского рудника работал экскаватор, построенный из металлолома, собранного старооскольскими пионерами. По их просьбе экскаватору было присвоено имя Адриана Топорова. В 1962 г. писатель приезжал в гости к землякам.

С 1949 года жил и работал в Николаеве. В этом городе он и умер в августе 1984 г.

Не знаю, имею ли я право добавлять что-либо к словам космонавта, но мне кажется, что встретить в своей жизни в нужное время достойного и мудрого наставника, Учителя — это тоже большое счастье. Такая встреча может определить всю жизнь, наполнив её смыслом, радостью творчества, счастьем сбывшихся мечтаний.

Вот и моя дальнейшая жизнь, по крайней мере, на ближайшее время, была почти определена, благодаря знаменательным событиям в нашей Великой державе и людям, причастным к этим событиям.

Позади — 9-й класс. Мы приехали из колхоза. Впереди — летние каникулы и — расставание со старыми школьными друзьями. Разбегаемся по разным школам. Мы с Толей Змиевским и Галей Папсуевой оказываемся вместе, в школе №5. А Гена Голунов,

к нашему общему сожалению, оказался в школе с остальными мальчиками, нашими бывшими одноклассниками школы №2. Это ещё и потому, что школа №5 считалась школой с физико-математическим уклоном, и с «тройками» по физике и математике здесь не принимали...

Правда, жили мы недалеко друг от друга: Гена – на Садовой, я – на Адмиральской, Толя – на Черниговской. Галя жила на проспекте Ленина. И ничто не мешало нам видаться почти ежедневно, гулять по городу.

Варваровский мост. Проходит БПК – большой противолодочный корабль.

Семью Гены мои родители знали. Старший его брат с будущей женой были студентами педагогического института и проходили педагогическую практику у мамы в школе, она была их руководителем. Маму и папу Гены мы тоже знали, я бывала у них дома. Отец Гены очень мне нравился. Он был добрым и весёлым человеком. Гена был его копией и по характеру, и даже внешне. Отец Гены любил и знал наизусть множество стихов Есенина. Генка тоже знал много из Есенина, и мы иногда, гуляя, под настроение, вслух читали вдвоём, на память, и по очереди, и перебивая друг друга: «Вечер чёрные брови насопил, чьи-то кони стоят у двора...», «Я хожу в цилиндре не для женщин...», «Мне бы только глядеть на тебя, видеть глаз златокарий омут...», «Ты жива ещё, моя старушка...», «Затерялась Русь в Мордве и Чуди, нипочём ей страх...», «Не бродить, не мять в кустах багряных»... Генин папа знал на память всю «Анну Снегину»! А я очень любила «Персидские мотивы» – «Шаганэ ты моя, Шаганэ», «Я спросил сегодня у менялы...», «Наливай, хозяин, крепче чаю...»

Конечно, мы не всегда читали стихи. Как и все в нашем возрасте, любили ходить в кино, погулять по городу, подурачиться, посмеяться, опять же – наши спортивные увлечения оставались неизменными. А в это лето – лето 1962 года –

«осенила» идея куда-нибудь поехать вместе, перед надвигающимся расставанием. Моя мама предложила всей нашей компании съездить на экскурсию в Москву. К тому времени никто из нас там не был, и мы с удовольствием согласились, кроме Гали Папсуевой, у которой были другие планы. Путёвки мама помогла купить на детской экскурсионно-туристической станции, и вот мы – в поезде! Едем в столицу!

Конечно, можно было себе представить, какое у всех было настроение. Хохотали всё время, неизвестно по каким поводам, а чаще всего, без повода, просто так. В нашей экскурсионной группе оказались очень нам подходящие новые знакомые: Толя Мищенко – тоже хохмач и пересмешник, как Гена, и Людочка Холопцева – нежная, хрупкая, красивая девушка. Как выяснилось, музыкантша, пианистка, с которой я очень подружилась. Она оказалась тоже весёлой и славной, поддерживала и принимала все наши шутки и дурачества. Так что дорога в Москву была лёгкой и приятной. А сама Москва – праздником!

Мы приняли Москву ошеломлённо. После тихого, провинциального Николаева – громады и помпезность зданий, бешеный поток автомобилей, куда-то спешащие толпы людей, и всё это – на фоне постоянного шума, складывающегося из многоголосия разноязычной речи, сигналов машин, звуков музыки, ещё чего-то непонятного и незнакомого. Мы были в восторге!

Много лет спустя мои восторги поубавились. Мне приходилось очень часто ездить в командировки в Москву и в Ленинград. И насколько охотно и легко я собиралась в Питер, настолько мне не хотелось ехать в Москву. Две столицы – два мира, две культуры. Москва – повторяю – помпезная гордячка, с неизбывным столичным высокомерием. Ездил я, в основном, в министерство судостроения – Садово-Кудринская, самый центр города. И вот это столичное высокомерие я встречала и у чиновников довольно высокого ранга, и у простых клерков. Если от первых зависел успех выполнения командировочного задания по технической сути, то от вторых – бюрократические мелочи, портящие настроение: оформление пропуска, «попадание» на приём, печатание на машинке. Из-за них – клерков, вернее из-за их высокомерно-пренебрежительного отношения к провинциальным «просителям», я и освоила пишущую машинку, что мне очень пригодилось в жизни (нет худа без добра!). И эти досадные мелочи, не всегда, правда, делавшие погоду, портили впечатление от созерцания и любования неоспоримыми красотами Москвы, её бульварами, зданиями – на это просто не хватало душевных сил. Они оставались там, на Садово-Кудринской, или в каком-либо другом, подобном заведении, у чиновников, убеждённых в том, что «им все должны»!

...Другое дело – Ленинград, Питер... Этот город, при той же величественности, царственности и красоте, был всегда настолько своим, тёплым и гостеприимным! Здесь был (да и сейчас есть) мой институт – ЦНИИ СЭТ (Центральный НИИ судовой электротехники и технологии), где всегда могли помочь в сложностях и служебных, и бытовых. Здесь жили и живут любимые «друзья моей души». Некоторых, правда, уже нет, но питерская память о них жива и всегда со мной.

Люди здесь и просто на улице, и даже в серьёзных заведениях, всегда по-особому, «по-питерски» – разговаривали, объясняли непонятное, подсказывали, если нужно, правильный выход... И «грозные» для нас согласующие и разрешающие конторы – военные и гражданские – не внушали такого трепета перед чиновничьим самодурством, как в Москве. И гуляли мы здесь с удовольствием, и ходили в театры, на концерты, здесь я по-настоящему поняла и полюбила настоящую, классическую музыку.

Здесь посчастливилось увидеть и услышать многих замечательных исполнителей – Ирину Колпакову, Любовь Казарновскую, Дмитрия Хворостовского...

А необыкновенные белые ночи, если удавалось попасть в их пору! Ходили ночами смотреть разведение мостов, гуляли по набережным... Я не говорю уже о моём любимом Русском музее, о коллекциях Эрмитажа... Как здорово было побродить по Дому книги, зайти в замечательный букинистический на Литейном, в кофейни и книжные магазинчики на Петроградке...

С Ленинградом связана романтическая история, прямо Рождественская сказка, которая и произошла под Старый Новый год, 13 января 1989 года. После работы я ждала на Невском, на автобусной остановке мою подругу Таню Невельскую. Её 22-й автобус с Охты останавливался недалеко от кафе «Норд» («Север»), куда мы должны были с ней зайти за знаменитыми пирожными. Дома нас ждал её муж Игорь, накрывал стол для встречи. Уже смеркалось, воздух был синим, и мела настоящая новогодняя метель – сказочно красиво! Как обычно на Невском, да ещё и в предпраздничный вечер, было много людей, спешащих после работы. Вдруг я слышу: «Ириша!» Я сначала не поверила, что это меня. И зря. Это оказался мой николаевский (не школьный - техникумовский!) друг – Вадик Середа. Как можно было в таком столпотворении спешащих людей встретиться?! На Невском?! Мы не виделись с ним ровно 25 лет. Он работал в Николаевском управлении Регистра СССР, только что вернулся из Швеции, из командировки. И оказалось, что мы с ним сегодня одновременно были в Главном управлении Регистра, на Дворцовой набережной – я подписывала какие-то бумажки, а он – отчитывался за командировку. И там, в Регистре, мы не встретились, а здесь, на Невском – угораздило! Конечно, когда подъехала моя Танюшка, он нас никуда не пустил - потащил в «Норд», где мы праздновали встречу, Новый, Старый Новый год, потом под непрекращающимся снегом гуляли по Марсову полю, Летнему саду. Вадька «гусарил» - поил нас шампанским, наливая его в утащенные из кафе фужеры.

А бедный Игорёшка ждал нас... Злился, конечно, ведь дело шло к полуночи. Но пирожные-то мы купили! И сладкоежка главный – он! Успели прибежать к бою курантов! «Пали ниц», покались, были милостиво прощены и встретили Старый Новый год, как положено – в мире и любви!

...Своей любовью к Ленинграду я заразила сына, и теперь он – его преданный гражданин...

В общем, наверное, уже понятно, что моё сердце принадлежало бы Питеру, «если б не было такой земли» - Севастополь.

...Ну а тогда, в 1962 году, мы были пленены Москвой. Гуляли по улицам, задирали головы, разглядывая высотные здания, удивлялись красоте и величию Кремля и его окрестных сооружений, восторгались собором Василия Блаженного. Удивительно, но попали даже на экскурсию по территории Кремля. Оружейная палата была тогда почему-то закрыта, но нам и без неё хватило впечатлений. Конечно, в те времена обязательным было посещение Музея Ленина. Были и в музее Революции, Историческом, знаменитом тогда Политехническом – в нём выступали тогда молодые поэты-шестидесятники. Помню экскурсию в Мавзолей. Тягостное впечатление от созерцания останков Вождя долго оставалось потом камнем на душе. Да ещё ведь и рядом столько могил, захоронений! Много раз потом попадала в Кремль, но желания посетить этот некрополь никогда не было.

Конечно, мы перепробовали все доступные сорта знаменитого московского мороженого, невиданного в Николаеве, накупили, насколько позволяли небогатые финансы, различных сладостей – подарки домашним! А мальчишки, которые уже пытались курить, покупали неизвестные для них сигареты.

Это Людочка Холопцева (впоследствии Тихонова)

Вот мы у Дворца съездов: Гена, в центре – я, крайний – Толя Змиевский, присел в центре – Толя Мищенко.

Дорога домой была ещё более интересной – ведь мы перезнакомились и подружились, поэтому веселились уже всей большой группой, с удовольствием вспоминая время, проведённое в Москве.

С Людой Холопцевой нас судьба свела ещё теснее чуть позже. Когда я, уже учась в школе №5, проходила трудовое обучение на конденсаторном заводе, мастером нашего цеха работал Олег Тихонов. У нас часто проводились совместные с заводчанами праздничные вечера. Однажды я пригласила на такой вечер Люду. Там она познакомилась с Олегом, они понравились друг другу и совсем скоро поженились, родили двух очаровательных дочек. Я часто бывала у них в гостях, когда приезжала домой из Севастополя, мы переписывались. Потом, как это бывает в жизни, связь прервалась без видимой причины.

А мы после Москвы мы уже грустили перед переходом в разные школы, но были уверены, что, несмотря ни на что, никогда не расстанемся.

Здесь мы последний раз вместе, весь наш замечательный 9 «А», средней школы №2 города Николаева.

Моя новая школа – средняя школа №5.

Вот и наступил новый, 1962-1963 учебный год. 10-й класс. Средняя школа №5.

Новая школа чем-то напоминала старую, наверное, архитектурой. Расположена в самом начале Адмиральской улицы, в красивом сквере – Аркасовском, или Сивашском, в котором мы гуляли во время перемен, когда позволяла погода.

Смешно вспоминать, но к концу школьных лет мы, наконец-то поняли, что детство уходит... И видимо, поэтому вдруг все девочки стали с удовольствием носить школьную форму – коричневые платица, чёрные или белые передники. Сами мастерили себе красивые кружевные белые воротнички. А я, в числе немногих оставшихся, ещё и носила косы, которые мне никак не разрешал состричь папа. Он всегда считал волосы главным женским украшением. Ну а раз коса – то бант! Чёрный, белый...

Интересно, но вспомнив детство, многие девочки-десятиклассницы стали носить в школу в портфелях ... кукол. С одежками, с обувкой. Прятали их в партах, потом тихонько обменивались разными тряпочками, финтифлюшками.

Меня это увлечение миновало. Я и раньше не очень играла в куклы, а теперь и подавно. У кого-нибудь из нашей компании, включая меня, Симу Пельц, Любу Скаковскую, Галю Седакову, в портфеле, как правило, если позволяла погода, всегда лежала прочная, длинная верёвка – скакалка. И на каждой перемене мы выбегали в парк, крутили скакалку и прыгали, пока звонок не позовёт в школу, на урок. Способов «прыгания» была масса: и по одной, и парами, а то и вообще группами. К нам даже мальчики присоединялись.

А потом появились ролики. Не такие, как сейчас – с ботинками, с подсвеченными колёсиками, с наколенниками, налокотниками. А простые - на четырёх роликах, с ремешками для крепления к обуви. И наш сквер стал ещё и «роликодромом». Главной тут была Сима Пельц. Она первая быстро их освоила и «нарезала» круги по аллеям. Однажды даже поленилась снять их перед уроком астрономии, и, по закону подлости, её вызвали к доске. Но Симка всегда была отчаянной девчонкой. Не смутившись, она выехала из-за стола, развернулась лихо у доски и – всё прошло прекрасно!

С Сивашским сквером связано одно весьма неприятное событие в моей жизни. В 11 классе я была комсоргом школы.

Закончилась первая четверть учебного года, и нас отпускали на каникулы перед Октябрьскими праздниками (7 ноября). Как обычно, перед большими праздниками, была намечена уборка территории вокруг школы, то есть, прежде всего, в сквере. На утро ближайшей субботы был назначен **комсомольский** субботник.

Класс явился в полном составе, всё было заранее организовано. Мы подметали дорожки, сметали мусор и опавшие листья в кучи, чтобы потом их вывезли в определённые для этого места. День был довольно тёплый, как часто бывало в начале ноября, но ветреный. И вот только мы сметём в кучу убранные с дорожек листья, ветром их опять раздувает по сторонам и по дорожкам. Нам так надоел этот бесполезный труд, что как только кто-то бросил невзначай: «А ну его! Пошли в кино!», мы тут же побросали свои инструменты, мётлы и прочий инвентарь у школы и убежали в кино – в кинотеатр им. Ильича. И надо же было встретить там маму Юрки Пилипчука – контрадмиральшу. Довольно злобредную и высокомерную. Она нас тут же «сдала». Позвонила нашему завучу и парторгу (!) Ирине Леонидовне, по прозвищу «тётя лошадь», и сообщила, где мы проводим «субботник».

Ничего не подозревая, мы явились в школу в первый день второй четверти. И вдруг – объявление: общешкольная линейка. На линейке выступает вначале директор школы Голубятникова – старая бабулька, но с амбициями активной партийной дамы, а потом – сама Ирина Леонидовна, парторг школы. Все они клеймят позором 11 «А» класс, который «во главе с комсоргом школы Савиной сорвал комсомольский субботник в честь 46 годовщины Великого Октября и тем самым проявил «преступную политическую близорукость», недисциплинированность» и так далее. Мы стояли совершенно обалдевшие, не зная, что сказать. Да нас никто и не собирался слушать. Огласили решение – вызвать для проработки на заседание партбюро школы комсорга (меня) и члена комсомольского бюро Лину Зозулю – одноклассницу.

Ну а решение партбюро было жёстким: мне – «3» по поведению за первую четверть (?), Лине – выговор. Это при том, что у меня по всем предметам были одни пятёрки, и все знали, что я – первый кандидат на золотую медаль. И никто из присутствовавших не хотел выслушать нас – взрослых 17-летних людей и принять во внимание наши объяснения.

(Позднее мне объяснили, в чём было дело. Таким образом директор Голубятникова сводила счёты с моей мамой, которая возглавляла городское методическое объединение директоров школ и на каком-то «их» мероприятии очень нелестно отозвалась о Голубятниковой и её работе. Судя по такой несправедливой и нелогичной расправе со мной, видимо, в этом и крылась причина).

Когда после экзаменов на аттестат зрелости, сданных мной на «отлично», встал вопрос о медали, директриса была категорически против из-за тройки по поведению. Но подобные решения, оказывается, принимались только на уровне районных отделов образования, и меня там «отстояли». Так что я – почти пострадавшая «за политику».

Вот это и есть Сивашский сквер, хранящий много наших историй и воспоминаний.

Но интересна и история его самого – Сивашского, или Аркасовского, как этот сквер назывался первоначально...

Аркасовский сквер в городе Николаеве – первый сквер в городе Николаеве, первоначальное название – Пляц-парадная площадь, которая была создана в 1869 году, по распоряжению военного губернатора Б.А. Глазенапа, в квартале напротив дома Главного командира Черноморского флота для проведения войсковых смотров и парадов.

Мариинская женская гимназия, в наши школьные годы – средняя школа №5.

Пляц располагался между улицами Адмиральской, Пушкинской и Никольской. Во второй половине XIX века площадь была озеленена и превращена в сквер, который называли «Сквером у дворца», а с 1873 года – Адмиральским. Диагональные дорожки сквера образовали в плане форму Андреевского флага – военно-морского флага России.

В 1882 году сквер наименовали Аркасовским, в память о Главном командире Черноморского флота и портов и военном губернаторе Николаева и Севастополя в 1871 – 1881 гг. адмирале Н.А. Аркасе.

С западной стороны Аркасовского сквера, в 1890 году построено здание Мариинской женской гимназии по проекту архитектора Е.А. Штукенберга (впоследствии наша, 5-я школа, а ныне – украинская гимназия им. Н.Н. Аркаса).

В начале XX века сквер переименован в Мариинский, а в 20-х гг. XX века произошло очередное переименование – в Сивашский сквер – в честь Сивашской дивизии, которая во время гражданской войны освобождала Крым, а затем была расквартирована в Николаеве.

К 100-летию разгрома войск Наполеона – в 1912 году в сквере со стороны Пушкинской воздвигли памятник «Героям Отечественной войны 1812 года» работы скульпторов Л. Биоджоли, Г. Риха и архитектора Е. Штукенберга

Памятник простоял в таком виде недолго, в 1922 году с него удалили скульптурные украшения, надписи и переделали его в памятник бойцам Сивашской

дивизии, украсив новой скульптурой. От этого памятника ныне сохранился лишь гранитный обелиск.

Общественностью города Николаева неоднократно поднимался вопрос о возможности возвращения этому скверу названия Аркасовского, но городскими властями такое решение не было принято.

В «Реестре топонимов города Николаева», утвержденном городским Советом 3.09.2009 г. зафиксировано официальное ныне действующее название «Сивашский сквер», но в разговорной речи жители города чаще называют это место Аркасовским сквером

И дорога в эту школу, и некоторые её помещения мне были уже знакомы, потому что на её территории находились спортивные площадки ДСШ, куда я ходила тренироваться в баскетбол.

Кроме того, здание школы некоторое время делили между собой наша средняя школа №5 и школа-интернат №2, где тогда завучем работала моя мама. Через год школу-интернат расформировали, мама стала директором областной школы-интерната №1, помещением полностью стала распоряжаться 5-я школа. Но первый год учёбы здесь – 10-й класс – я полностью провела «под колпаком» у мамы. Ужасно неуютно себя чувствовала, потому что все учителя маму знали, по нескольку раз в день с ней встречались, и даже если ни в чём особо предосудительном я не была замешана, всегда находилось, о чём поговорить. А потом дома – соответствующие выводы. Приятного было мало, поэтому я очень обрадовалась, когда мамин интернат отсюда убрали.

Толя Змиевский, я и Юра Сиренький.

Несмотря на некоторый дискомфорт из-за незнакомой обстановки, я любила дорогу в школу. В одном классе со мной оказались соученики из 2-й школы Витя Калинин, Толя Змиевский, Сима Пельц. А поскольку все мы жили по соседству, то и ходили в школу почти всегда вместе. Собирались в назначенное время на углу Адмиральской и Черниговской улиц, и прямо – по Адмиральской - шли на занятия. По дороге, конечно, было о чём поговорить. Зимой заглядывали на бульвар Макарова,

чтобы посмотреть сверху, не встала ли речка, не пора ли готовить коньки. В сухую погоду иногда гнали, пиная ногами, какой-нибудь предмет - жестянку, деревяшку - стараясь «догнать» его до самой школы.

В школе оказалось вначале три 10-х класса, и мы попали в 10 «В». Потом разделили учеников таким образом, чтобы стало два 11-х. И мы опять оказались вместе со «старыми» одноклассниками в 11 «А». В нашем классе и в параллельном, 11 «Б» оказалось много интересных личностей, правда, узнавалось это постепенно, по мере знакомства.

Наши мальчики: Олег Демешин, Толя Змиевский, Тося (Платон)Животовский.

Но сначала, конечно, пришлось знакомиться с новыми учителями.

Приятно было встретить хорошо знакомую по 2-й школе Ефетову Веру Осиповну. В нашем классе оказалась её дочь – Таня Томашпольская.

Неожиданной была встреча с преподавателем черчения Филевским Владимиром Андреевичем. Он, оказывается, «сеял разумное, доброе, вечное» своё черчение во многих школах города. Мама говорила, что он и у неё в интернате преподавал. Вот уж воистину «наш пострел везде поспел»! Печально, что везде с одинаковым эффектом преподавания – «20 см *униз*, 10 см *уверх*...»

Совершенно не впечатлила Тартаковская Любовь Борисовна – преподаватель русского языка и литературы. Ну не «тянула» она на «русачку» со своим корявым языком, картавостью и железобетонной «логикой».

Вот вопрос по «Войне и миру»: «О чём подумал князь Андрей, подъезжая к Отрадному?» Долго безуспешно мы гадали. Оказывается, нужно было ответить так: «Нет, жизнь не кончена в 30 лет!» Или: «Какими были плечи Элен?» Это нужно было сравнить их с «худенькими плечами» Наташи.

И так, в таком же духе, и в остальном. Но хоть не вредная была, нормальная женщина, можно было с ней разговаривать о многих внешкольных делах, и по-дружески.

Очень интересной оказалась «англичанка» - Розалия Ароновна Тублина. О её строгости и принципиальности ходили легенды. Она запрещала на своих уроках разговаривать по-русски. Только «in English, please!». Иногда это требование ставило в тупик, в силу слабых разговорных навыков, но пока оно не было выполнено, Розалия Ароновна не «отставала». Вспоминаю, например, как она мучила Инну Недосекову.

- Недосекова, why did you absent at the last lesson? (почему вы отсутствовали на прошлом уроке?)

-Розалия Ароновна, мне вчера очень...

- Answer in English, please!

-Ну Розалия Ароновна, мы с мамой...

-In English, please!

И так могло продолжаться очень долго, с подсказками, с обращением к классу, к словарям, но Розалия Ароновна своего, в конце концов, добивалась. Очень интересным и полезным у неё был метод обучения распознавания «на слух» и написания новых слов со сложными буквосочетаниями. Она вызывала к доске учащегося и диктовала абсолютно незнакомый текст с довольно сложными словами. Нужно было правильно записать его на доске. Было трудно, но интересно. Оценки она ставила очень скупясь, «пятёрку» у неё нужно было заслужить.

Я очень любила и люблю языки, как-то по жизни постоянно приходилось их подучивать, это было необходимо и интересно. И мне жаль, что не я «попалась» Розалии Ароновне с самого начала и не проучилась у неё до конца школы. Уверена, что мои занятия английским были бы гораздо успешнее.

Необыкновенно обаятельной была учительница украинского языка и литературы Мария Савельевна Рыбка. Вы только вслушайтесь, как мягко, как нежно звучит это имя: Марія Савелівна Рибка! Она сама была подстать своему имени – миловидная, мягкая, с негромким голосом и ласковыми интонациями.

В те времена можно было, по желанию учеников и родителей, не учить украинский язык. Многие «освободились» от него, гуляя в те часы, когда по расписанию были эти уроки, в том числе и моя закадычная подружка Галька Папсуева, с которой мы три последних года сидели за одной партой. Мои родители, естественно, никаких поблажек мне не позволяли, и я, в числе немногих наших одноклассниц (мальчишки все отказались!), учила украинский от начала до конца школы. Об этом не пожалела ни на минуту: во-первых, ещё никому не мешало знание «лишнего» языка, во-вторых, у меня были замечательные педагоги, с которыми просто интересно и приятно было общаться. О первой учительнице украинского – Неониле Андреевне Григоренко – я уже рассказывала.

И вот как проходили у нас уроки украинского языка в 10-11-м классах.

Входит улыбающаяся Мария Савельевна и говорит: «Добрий день, дівчатка! Сідайте ближче до мене! Давайте згадаємо, про що йшла мова на минулому уроці». И начиналась свободная беседа с мест о том произведении или его части, которое необходимо было прочитать к этому уроку. Обсуждались поступки героев, их мотивы, выражались симпатии и антипатии (с аргументацией!). Не было привычных заданий – раскрыть черты характера героя; охарактеризовать «типичных представителей» и прочей формалистики, к которой мы привыкли, изучая словесность. А в конце урока – обязательно! – «Сьогодні ви, мої любі, одержали такі оцінки...» Практически всегда это были «5» и «4».

Писали сочинения, потом их обсуждали, но всегда это было только на позитивной ноте, всегда с удовольствием от взаимного общения.

Галя Папсуева, я и Таня Лукацкая. 11 «А».

Но всеобщим любимцем у нас был Александр Алексеевич Кошкарёв – преподаватель математики. Отставной офицер, он приехал в Николаев из Ленинграда, где преподавал математику в одном из военных училищ. Очень интеллигентный, корректный, спокойный, с развитым чувством юмора, что на себе часто испытывали те, кто пытался отлынивать от занятий или недостаточно старался вникать в математические премудрости. Оценки ставил, несмотря на улыбчивость, доброжелательность и шутливость, очень строго. Но учил добротнo, например, сложный по тем временам материал «Функции и графики», которым всегда «запугивали» учеников, втемяшил нам так, что «от зубов отскакивало». Разумеется, у тех, кто этого хотел. От остальных не принимал никаких оправданий, повторяя свою любимую поговорку: «А моя какая дела?» и безжалостно карая тройками и двойками.

Но больше всего мы любили его за то, что он с удовольствием продолжал общение с нами вне уроков, обсуждая всевозможные темы. На каждой большой перемене, да и иногда после школы, играл с нами в баскетбол и волейбол, а с мальчиками в футбол. Мы за это его боготворили! Он и форму спортивную всегда с собой носил, и нас к этому приучил.

**Вот он – наш любимый Александр Алексеевич Кошкарёв.
С ним учащиеся из 11 «Б» - Наташа (?), Таня(?), Вера Пеньковская
и Саша Арутюнян.**

**Это 1 мая 1963 года, перед демонстрацией:
Лёша Иванов, Белла Драйцель, Тосик (Платон) Животовский, Юра
Пилипчук,
Верочка Пеньковская, Марик Магин, Наташа (?), я, Ася Бурдо.**

Хочется рассказать, наконец, о нашем трудовом обучении.

Я не была разочарована работой и учёбой (да, учёбой!) на конденсаторном заводе, из-за которого, собственно и оказалась в СШ №5. Тогда он находился прямо рядом со школой, в старом здании, которое давным давно требовало ремонта.

Через несколько лет новый завод под названием «Никонд» был построен в так называемой, промышленной зоне, на ул. Электронной. Он заменил тесные и плохо оборудованные цеха старого конденсаторного завода, где я проходила свою практику. «Никонд» - это уже было оснащённое современным оборудованием предприятие, выпускающее обширный ассортимент конденсаторов разных типов для гражданской и военной промышленности и некоторых электротехнических материалов. В разработках предприятий, где мне довелось работать, часто использовалась продукция «Никонда», туда ездили в командировки наши сотрудники, занимавшиеся комплектованием этих разработок.

А пока мы два раза в неделю приходили на завод, надевали рабочие халаты и приступали к работе.

Мне нравилось, что изучали мы основы электротехники, элементарные расчёты электрических цепей с применением конденсаторов, виды и типы их, системы единиц измерения. Это, как мне казалось, приближало меня к поставленной цели.

С основами электротехники нас знакомил Владимир Васильевич Кулиш. Половина девчонок была в него влюблена: стройный, высокий, пышноволосый брюнет с синими, как небо! – глазами. Но он был строг с нами, не допуская никаких поблажек «за красивые глазки», требовал со всех одинаково.

Был у нас и специальный предмет «Технология производства металлобумажных конденсаторов» - на тот момент единственного типа конденсаторов, освоенного заводом. Курс этот нам читала Людмила Николаевна Герус. Вот она была излишне строгой, въедливой и особенно сильно придиралась к девочкам. Сама далеко не старая, довольно приятной наружности, она, видимо, боялась конкуренции (шучу, конечно, но нам же уже было по 16-17 лет, и мы действительно были привлекательными девушками).

Работала я на испытательном участке. Здесь испытывались повышенным напряжением и составные части конденсаторов, и готовые изделия. После испытаний мы должны были проверить конденсаторы на соответствие заданным характеристикам, отбраковывая вышедшие из строя. Отношения с работницами участка были прекрасными - дружескими, доброжелательными. Женщины-работницы были любопытны, очень интересовались нашей жизнью и в школе, и вне школы.

(Помню, как живо они принимали участие в обсуждениях при подготовке нашего школьного выпускного вечера. Их очень интересовали наши платья, они даже специально пришли к школе, когда мы туда собирались на своё торжество).

На участке для меня было много интересного и нового. Там я научилась работать с испытательными и измерительными приборами: тестерами, мегомметрами, амперметрами и вольтметрами. С этими и другими приборами я потом встретилась и в институте, и на настоящей своей работе.

В конце учебного года мы сдавали экзамены по обоим теоретическим предметам, а на выпускном вечере, вместе с Аттестатом зрелости, нам вручили и рабочие аттестаты. Я получила «Свидетельство о присвоении квалификации испытателя электрических параметров II разряда» и была очень этим довольна. Справедливости ради, надо сказать, что само свидетельство мне нигде не пригодилось, но начальные навыки работы с измерительной и испытательной аппаратурой я получила, что оказалось полезным во время учёбы в институте.

Незаметно пролетел 10-й класс. Холодком пронизывало душу от мысли, что «грядёт» последний школьный год...

Центром моих переживаний в это время стал мой дом, семья, где начались острые дебаты о том, где мне продолжать учёбу. Отпускать далеко от дома меня, оказывается, никто не хотел. Предлагались различные варианты поблизости: начиная от Николаевского кораблестроительного института, заканчивая Одесским политехническим или медицинским. Я изо всех сил пыталась отстоять свою мечту – учиться в Ленинграде. Приводила свои доводы, напоминала обещания, данные папой, плакала, конечно, – куда ж без этого, иногда безотказного, женского аргумента. Но родители были непреклонны. Одним из доводов «против» у мамы с папой был ленинградский климат – холодный и влажный. А у меня к тому времени, несмотря на активный образ жизни, развилась неприятная хроническая болезнь – хронический тонзиллит. Кто болел часто ангинами, тот понимает, как это противно и опасно. А в Ленинграде климат - способствующий этому.

Я долго думала, как мне справиться с этим и придумала! – не зря же меня позже, в институте, называли «девчонкой из Николаева» за отчаянность и некоторую «безбашенность». Я попросила участкового врача написать заключение о том, что мне необходима «тонзиллоэктомия», то есть удаление миндалин – источника инфекции, провоцирующего частые заболевания горла. И хоть особых показаний к этому пока не было, врач согласилась. Родители не ожидали от меня такого и были ошарашены, но – решение есть решение, тем более медицински обоснованное. И я легла в больницу, где благополучно избавилась от того, что мне казалось главным препятствием на пути к моей цели. Было больно, противно, до сих пор помню варварскую процедуру вырывания живой, пусть нездоровой плоти, но я выдержала – цель моя того стоила!

Однако родители были непреклонны и привели ещё немало причин, из-за которых они не хотели *девочку* отпустить далеко от дома. И на последние свои школьные летние каникулы я пошла с нерешённым главным для себя вопросом и поэтому испорченным настроением.

Мама, видимо, чтобы утешить меня, предложила поездку на Кавказ, по школьной путёвке. Я согласилась, в надежде собрать свою любимую компанию. Но собраться вместе мы не смогли, и я поехала одна.

Однако прежде я отыгралась на всех своих «обидчиках». Мотивируя тем, что еду на море, что жарко, что надоело, что одна я осталась *такая* – я пошла и отрезала свои косы. Мама ещё ничего, как-то быстро смирилась, а папа смертельно обиделся на меня и долго разговаривал «сквозь зубы».

В общем, лето 1963 года было для меня тяжёлым. Генка, как всегда, издевался и предлагал предъявить родителям ультиматум: не пустят в Ленинград –

«постригусь налысо»! Я смеялась почти сквозь слёзы, понимая, что он тоже переживал за меня, пытался поддержать, хоть ему было невесело перед расставанием со мной.

В поездку я отправилась с модной тогда «французской» стрижкой - «как у всех»! (Вот дурочки-то молодые! Теперешние наши мозги бы – да в те глупые юные головки!) Настроение было, конечно, не очень радостным. Правда, я ещё не знала, что меня ждёт впереди.

Маршрут был интересный: на поезде – в Сочи, там поездки в близлежащие курортные места, пляж, а потом из Сочи возвращение через Одессу на теплоходе «Украина».

Мне понравилось. Ездили в специальных – открытых – туристических автобусах по горному серпантину – впервые для меня! - на озеро Рица. Нас катали на катерах, подвозили даже к даче Сталина. Останавливались у Голубого озера с холодной, как у нас в Ванне молодости Большого Каньона, водой. Поднимались на гору Ахун, были в сочинском дендрарии, в тиссо-самшитовой роще. Все эти кавказские красоты вызывали удивление, восхищение, восторг. Всё впервые!

Конечно, каждый или почти каждый день – пляж. Погода стояла настоящая субтропическая, как мне тогда казалось: с утра – солнце, жара, после обеда – проливной дождь, правда, кратковременный. И вечером опять тихо, красиво, как раз для прогулок. Гуляли в сочинском парке «Кавказская ривьера». Вечерами там всегда было много отдыхающих. Воздух был насыщен испарениями от многочисленных экзотических растений, хвойных деревьев после дождя. Впервые я увидела цветущую магнолию.

И вот – день отъезда. Морской вокзал города Сочи. У причала – огромный (для нас, неискущённых) белый теплоход с надписью на борту – «Украина». Выяснилось, что он совершал рейс Новороссийск-Ялта-Севастополь-Одесса. На нём мы должны были добраться до Одессы, а из Одессы на автобусе - домой, в Николаев.

Как выяснилось, билеты на теплоход удалось купить только «палубные» - других в разгар сезона не было. Нас это несколько не испугало. Было тепло, море спокойное, с палубы открывались замечательные морские пейзажи. Помню, что кроме нас, этим же рейсом из Новороссийска добирались на соревнования в Одессу спортсмены, молодые ребята. По-моему, боксёры. Так что мы не скучали. Вот только скамеек на всех не хватало, приходилось занимать места и на «бухтах» скрученных канатов, и на спасательных шлюпках – где можно было прислониться и отдохнуть. О сне и думать нечего было, всю ночь просидели.

Ялтинский морской вокзал не помню. Не оставил тогда никакого впечатления.

...Но вот наступило утро. Как обычно, в это время – июль, разгар лета – яркое солнце, густая синева моря, сливающегося у горизонта с таким же ярким, синим небом. И вдруг в этом волшебном мареве лазури возник белоснежный каменный дворец, облитый золотым солнечным сиянием. Это было неправдоподобно красиво, казалось миражом, чем-то не материальным, не настоящим, сказочным.

А это был Севастополь...

Дальше рейдовой бочки нас не пустили. К борту подошёл катер, несколько пассажиров спустились по трапу, и, оставляя за собой пенный след, катер развернулся и лёг на обратный курс.

...Я стояла и любовалась отдаляющейся белоснежной набережной, не подозревая, что совсем скоро мне снова предстоит встретиться с Севастополем, и что

ровно через год я приеду сюда с чемоданом учебников сдавать вступительные экзамены в институт. И всю мою дальнейшую жизнь и судьбу определит этот замечательный белокаменный город.

Часть набережной Севастополя. Дворец пионеров.

Как-то не по себе становится сейчас, когда чувствуешь, что мои «памятки» пора завершать. Жаль, конечно, я с ними сжилась, к ним привыкла. Привыкла рано утром, только проснувшись, бежать к компьютеру, перечитывать написанное вчера, что-то убирать, добавлять, или переделывать. Заметила, что живу сейчас только этим и в «этом», меньше читаю, забросила любимое рукоделие. Часто раздражаюсь на ненужные мне сейчас, мешающие телефонные звонки. Меньше занимаюсь своими цветами, даже рискуя потерять некоторые, особо капризные. Меньше общаюсь с друзьями, надеясь на их любовь и прощение – потом!

Наверное, это естественно. Кроме чисто «творческого» интереса, всегда заманчиво вспомнить и ощутить себя юной, жизнерадостной, без груза тяжёлых проблем, нависающего над человеком в течение жизни. И оказывается, это довольно легко сделать. Для этого нужно немного воображения и хорошая память. А ещё – любовь. К своим друзьям, к своему прошлому. Погружаясь в него, временами вдруг замечаешь, что выпадаешь из реальной жизни. Вся находишься ТАМ! Как будто некая машина времени стартовала по твоему сигналу и перенесла тебя в другое,

давнее время, в точку, где ты уже не мать семейства, не бабушка, а смешливая и отчаянная «девчонка из Николаева», в компании таких же беззаботных, молодых ребят. И тебе сейчас нужно не варить борщ или пылесосить квартиру, а срочно мчаться на Стрелку проверять крепость льда, или бежать на тренировку, или идти на встречу с подружкой Галькой, потому что накануне она написала и передала под партой записку «от влюблённого матросика»: «Буду ждать на скамейке около кинотеатра «Родина», а чтобы ты меня узнала и ни с кем не перепутала, я надену бескозырку задом наперёд»... И потом, встретившись у «Родины» и отсмеявшись, идти с ней в кондитерский магазин «Белочка» на улице Советской, купить там двести граммов любимых «Морских камешков» и грызть их, прогуливаясь по николаевскому «бродвею» - улице Советской...

И так это «затягивает», и столько придаёт какой-то особенной, внутренней силы и весёлого настроения, что поневоле вернувшись в «сегодня», чтобы заниматься необходимыми, обыденными делами, ходишь по улицам, улыбаясь, и удивляешься: почему это люди вокруг такие озабоченные, не улыбочивые и хмурые? Идут с авоськами, тащат за руку детей, орут на них, выговаривают мужьям, раздражённо отвечают жёнам, разговаривают по мобильным телефонам, пьют пиво прямо из бутылок... А потом вдруг понимаешь: да просто они живут «здесь и сейчас», живут своей, обычной жизнью...

Ну вот, немного отвлеклась и думаю, надо продолжить тему последнего школьного года, 11 класса.

Был он памятен тем, что каждый решал для себя главный вопрос, определяющий будущую жизнь, почему-то не впадая в ажиотаж. Не чувствовалось напряжённости, как будто всё для всех было ясно. Привычно проходили уроки, контрольные работы, так же играли на переменах в волейбол, баскетбол.

Как-то уж очень активно, несмотря на «судьбоносность» последнего учебного года, мы участвовали в художественной самодеятельности. Мама одноклассницы Людмилы Малофеевой работала в женсовете Дома офицеров. Она организовывала какие-то постановки под руководством одного из актёров театра имени Чкалова. Ставили часть пьесы Симонова «Русские люди», потом – комедию в стихах из фронтовой жизни. Пели в концертах что-то современное - патриотическое и не очень. Помню Аду Якушеву: «Вечер бродит по лесным дорожкам, ты ведь вроде любишь вечера...», Пахмутову: «Седина в проводах от инея, ЛЭП-500 – не простая линия...». Танцевали какие-то танцы...

Особенно запомнилась работа над поэмой Роберта Рождественского «Реквием».

Сначала опять позволю себе небольшое отступление, чтобы рассказать о всеобщем увлечении девичьей части наших 11-х классов поэзией «шестидесятников». Можно нас назвать даже читателями-«шестидесятниками», настолько мы были ими увлечены. В книжных магазинах поэтических сборников Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, Ахмадулиной не было и в помине. «Вылавливали» их стихи в журналах «Юность», «Смена». Переписывали друг у друга от руки. Иногда везло: в киосках «Союзпечати» попадались тоненькие 3-х-5-ти копеечные книжонки и с их стихами (это было удачей!), и со стихами абсолютно неизвестных поэтов из той же плеяды. Их мы тоже читали, понравились переписывали, заучивали, они тоже трогали душу и сердце. Вот, например, до сих пор помню стихи Майи Борисовой: «Поезд последние вёрсты мчит, тревожен рокот колёс. Выйдем в тамбур и помолчим. Не надо ни слов, ни

слёз...» Я и дальше помню, но не буду продолжать. Стихи нежные и грустные, о расставании. Там в конце – «Паровоз, остывая, мелко дрожит, под сводами пар клубя, а мне остаётся целая жизнь, чтобы любить тебя». Такие простые строчки - почему они запомнились на десятилетия?

Или Ахмадулина: «Становлюсь я спокойной, а это ли просто? Мне всегда не хватало баскетбольного роста, не хватало товарища, чтоб провожал, чтоб в подъезде за варежку поддержал...» Это-то понятно, ростик у меня далеко не баскетбольный, оттого и впечатлило... Ну и Ахмадулина всё-таки.

Сейчас заглянула в книжный шкаф, где «живёт» моя старая поэтическая библиотека, и где лежат и стоят книжечки со стихами, помеченные 1963, 1964 годом... Есть много фронтовых поэтов - Уткин, Сельвинский, Друнина, открытый тогда и любимый с тех пор Юрий Левитанский. По-моему, раритетные экземпляры. Только жаль, сейчас никто их не оценит так, как ценили их мы. Это естественно. Наше мироощущение сильно отличается от мироощущения теперешних ребят, потому что формировалось под воздействием совсем других примеров, идеалов. Думаю, в этом нет ничего плохого. Тем более, что сохранились всё же и общие для всех ныне живущих поколений ценности, которые, на мой взгляд, непреходящи. Это ненависть к разжиганию войн, это память о тех, кто защищал родную землю от агрессоров, от фашизма, преклонение перед памятью **«отцов и старших братьев, памятью вечно молодых солдат и офицеров Советской Армии, павших на фронтах Великой Отечественной войны»**. Это я уже привела цитату - эпитафию к поэме Роберта Рождественского «Реквием».

«Реквием» произвёл на нас, одиннадцатиклассников, сильное впечатление. Опубликовали его, по-моему, в журнале «Юность», который мы всегда с удовольствием читали. И вот, к одному из предстоящих городских смотров художественной самодеятельности решено было приготовить это произведение силами девочек из наших двух классов. Работал с нами тот же молодой актёр из театра имени Чкалова, фамилии которого, к сожалению, я не помню. Я помню, как ревниво мы отнеслись к распределению фрагментов поэмы между нами, участницами постановки. Всем хотелось читать ВСЁ! Настолько ярко, весомо, впечатляюще написано это произведение. Оно до сих пор меня волнует. Мне кажется, я до сих пор его помню наизусть, особенно некоторые части – «Чёрный камень», «Ой, зачем ты, солнце красное...» - ну может быть, с небольшими подсказками. Репетировали мы с большой охотой, увлечённо, достаточно долго.

Городской смотр проходил, по-моему, в Доме офицеров. На сцене мы стояли под развёрнутым знаменем, одетые, как это было принято (и уместно!) в строгие юбки и блузы. В зале освещение было выключено, а сцену подсвечивали чуть снизу вверх прожектора, высвечивая каждый раз ярче остальных лицо читающего.

Я помню мёртвую тишину в битком набитом зале...

«Разве погибнуть ты нам завещала, Родина?

Жизнь обещала, любовь обещала, Родина.

Разве для смерти рождаются дети, Родина?

Разве хотела ты нашей смерти, Родина?

...Славы никто у тебя не выпрашивал, Родина.

Просто был выбор у каждого – я или Родина».

Дальше лаконичные, но яркие картины кровавой борьбы, мужественной, доблестной «поступи дивизий», «твёрдой поступи солдат», устремлённых к победе, на чьих знамёнах и начертано было одно слово – «Победа!»

...И печальная песнь о погибших, оплакивание павших за Родину, захороненных под «чёрным камнем», неизвестных солдат... «Умирал солдат известным, умер – неизвестным.»

А дальше была очередь Верочки Пеньковской. Когда она своим тихим, нежным голосом начала:

«Ой, зачем ты, солнце красное,
Всё уходишь - не прощаешься?
Ой, зачем с войны безрадостной,
Сын, не возвращаешься?» -

прожектор был направлен на неё, и все увидели, как по её щеке потекла слеза...

Мы были потрясены. Десятки раз отрепетировавшие, повторившие эти тексты сотню раз, в этот, сто первый, мы тоже не выдержали, и вслед за Верой, чуть не плакали. Такое эмоциональное напряжение, такие искренние чувства вызывали у нас эти стихи Рождественского.

...Оценили нас по достоинству. Мы были счастливы. И как видите, запомнилось это на всю жизнь.

Поэтическое слово в те, шестидесятые годы, было очень популярно. У многих из нас были записные книжки, общие тетради, исписанные понравившимися, любимыми строчками. Начинали «баловаться» и сами, пробуя свои силы. Мои первые стихи помнит моя подруга Галя, она даже, по-моему, хранит листок с ними, подаренный ей мною. Я же их просто стесняюсь, настолько они кажутся беспомощными, слабыми и неинтересными.

А вот соученица - девочка из параллельного класса - однажды произвела неотразимое впечатление на наши умы и сердца.

Обоим 11-м классам было задано сочинение по «Войне и миру». Как были распределены темы, я не помню. Помню, что когда сочинения были уже сданы, проверены, получены оценки, произошло неожиданное. В неурочное время в класс зашла Любовь Борисовна – учительница русского языка и попросила внимания. Она пришла к нам, чтобы прочитать нам сочинение Кати Голубковой из 11 «Б» класса. Тема – «Первый бал Наташи Ростовской». Это сочинение, написанное в классе (!), было написано в стихах! И каких стихах! Мы были потрясены. Катя – скромная, приятная девочка, никогда не выделявшаяся из своей «среды обитания» - оказалась талантливой поэтессой.

...Сейчас передо мной на столе три сборника её стихов, изданные в разные годы в Одессе и Киеве: «Звёздный корабль», «По праву любви» и «День летящий». Её стихи мне очень нравились и нравятся. Они напоминают мне то акварельные зарисовки – нежные, с чуть размытыми красками, то яркие, насыщенные цветом картины, написанные твёрдой и умелой рукой.

Катя, как многие талантливые, незаурядные личности – человек непростой судьбы. После школы она работала пионервожатой, матросом, маляром на судостроительном заводе. Потом – Ленинградский университет, психология.

Руководила литературным объединением «Стапель», работала заместителем главного редактора Николаевской областной студии телевидения. Член Союза писателей Украины с 1979 года.

Эти скудные сведения о ней я с трудом «выудила» из разных источников (спасибо Интернету!), без её согласия здесь обнародую и очень надеюсь, что она меня за это простит. Даже её фото – единственное, которое смогла найти – только на сайте «Николаевского землячества в Москве».

Е. А. Голубкова — автор 5 сборников стихов «Акварели» (1973), «Звездный корабль», «По праву любви» (1984), «День летящий» (1987), «Звезда в колодце» (2006). Произведения поэтессы опубликованы в альманахах «День поэзии», «Истоки», «Молодой Ленинград», «Письмена», в сборниках «Вдохновение», «Горизонт», «Вітер з лиману», «Крила нашої весни», «Квіти, земля моя!», в журналах «Аврора», «Радуга», на страницах областной прессы.

...Стихи её попались мне на глаза случайно. Во время одной из командировок в Николаев зашла в книжный магазин и в разделе «Произведения местных авторов» увидела маленькую книжечку – Екатерина Голубкова, «По праву любви». И потому, что это Катины книжки, и потому что такие замечательные в них стихи, каждый раз, приезжая в Николаев, я искала, и нашла ещё два сборника. Катины стихи – о нашем городе Николаеве, о кораблях. Конечно, и о любви.

А разобраться – что нам нужно, людям?
Чего мы ждём от жизни всякий раз?
Но мы сильны, пока кого-то любим,
И живы мы, покуда любят нас!

Я буду ждать
тебя в своём доме,
где тишина,
как треснувшая глыба.
Вернёшься если -
молча всё пойму,
приснишься только -
и на том спасибо.
Но прежде, чем я стану тишиной,
движеньем смутным
воздуха и света,
прошу тебя:
«Побудь ещё со мной...»
(И про себя: не откажи хоть в
этом!)

...Это будни.
И сложно, и трудно,
и порою – не вытереть лба...
Может, это кому-то и судно,
но для вас – это жизнь и
судьба.
Но для вас – это гордое
право,
чтоб по всем океанам земли
проносили высокую славу
о рабочих руках корабли.
Но для вас – это главное
дело,
что доверено именно вам...
**Раз живут на земле
корабелы,
значит – быть,
значит – плыть
кораблям!**

...Куда поплывёт «мой корабль», и будут ли на нём заветные *алые паруса*, было неясно до тех пор, пока мне в руки «случайно»! – хотя я уже давно понимаю, что ничего случайного в жизни «не случается» - попала газета «Известия». Даже сейчас вижу ясно: на третьей странице вверху небольшая заметка примерно такого содержания:

«В городе Севастополе на базе Севастопольского филиала Одесского политехнического института открылся Севастопольский приборостроительный институт». Дальше перечислялись факультеты, специальности. И среди них – факультет радиоэлектроники со специальностями: радиотехника, *автоматика и телемеханика*, вычислительная техника.

Конечно, заветные слова «автоматика и телемеханика» произвели на меня должное впечатление. Но сердце ёкнуло и при воспоминании о летнем свидании с замечательным, сказочным, как Лисс и Зурбаган – городе, открывшемся мне внезапно с борта теплохода. И мне показалось, что судьба моя решается сейчас, прямо на этой газетной странице. Правда, в этом нужно было убедить папу и маму. Но против их аргументов теперь у меня были и свои, не менее весомые. И после недолгих дебатов (которые всё-таки были!) было решено *отпустить* меня в Севастополь!

Я была почти счастлива. Почти – потому что пришлось отказаться от давней мечты, лелеемой в душе годами, - от Ленинграда. Счастлива, потому что была почему-то уверена, что мой выбор открывает мне новые возможности самостоятельных решений, избавления от постоянного родительского контроля (дети младше 18 лет, не читайте это!), и, в конце концов, обещает мне встречу с прекрасным городом.

А в это время нам всем, одиннадцатиклассникам, «шарахнуло», как сказал Гена Голунов, - по восемнадцать лет!

Нам – 18! Таня Лукацкая, Галя Сedaкова, Ася Бурдо, Галя Папсуева.
Угадайте, кого среди этих девиц-красавиц не хватает? Правильно, Ирины Савиной.

Потому что как раз накануне похода в фотоателье для запечатления на века наших неповторимых образов, отмеченных совершеннолетием, я с ними со всеми – лучшими подругами! - поссорилась, как самая «сопливая» первоклашка. И причина была смешная и глупая, о которой никто уже и не помнил. Но три месяца! - я с Галей сидела за одной партой и с ней не разговаривала. И с ними тоже. Об этом написано на обороте подаренной мне фотографии. Поэтому моё фото в 18 лет – на следующей странице.

Это мне 18 лет. Такой примерно я уехала из родительского дома.

Глупая ссора не помешала мне выполнить обещание, данное Гале задолго до неё: проверить орфографию и пунктуацию в выпускном сочинении. Я села сзади Гали во время экзамена и потихоньку передвигаясь вправо-влево, прочитала текст её работы, указывая негромко на ошибки. Об этом мы с ней договаривались давно. Но всё равно не разговаривали! Помирились только на выпускном вечере.

А выпускной вечер был не за горами. Ещё ближе были выпускные экзамены. Меня сейчас удивляет, почему в моей памяти не задержалось ни то, ни другое?

Выпускные экзамены – видимо, потому, что не составляли особого труда. Учёба мне всегда давалась легко.

А выпускной вечер? Ведь к этому событию всегда заранее и так трепетно готовятся и выпускники, особенно выпускницы, и их родители.

Память – вообще иногда непредсказуемая субстанция. Вот я сейчас вдруг подумала: а о чём, в первую очередь, написаны эти мои заметки? Почему не вошли сюда воспоминания о моей активной пионерской работе, о довольно многочисленных городских пионерских линейках, где мне приходилось «командовать» пионерскими парадом целого города, выстроенными на главной площади, и рапортовать руководителям городских комсомольских комитетов о каких-то достижениях? Почему-то вспомнилась только дата вступления в комсомол -22 апреля 1961 года, а не вспомнились выборы комсоргом класса, потом – школы, потом - какие-то комсомольские конференции – городские, областные? Зато хорошо помнятся спортивные игры, занятия художественной самодеятельностью, интересные люди – преподаватели, одноклассники, друзья, помнятся события, так или иначе повлиявшие на отношение к жизни, к людям. Помнятся, хоть и не прописаны здесь подробно, городские олимпиады по химии, по математике, по английскому языку. Не хватило сил, наверное, описать, как интересно было участвовать в межшкольных соревнованиях на готовность к санитарной обороне.

Избирательность памяти - всё-таки полезное её качество. Особенно если натура человека настроена, как сейчас принято говорить, п о з и т и в н о. То есть хорошо помнится всё хорошее, светлое, ну пусть немного грустное, потому что прошедшее. Вот и выпускной вечер мне запомнился по-особому.

Всё-таки начну с выпускных экзаменов, чтобы быть в рамках логического повествования. Помню, что на всех экзаменах было много цветов. И Мария Савельевна (украинка) утопала в них – так мы её любили и буквально «завалили» цветами. Помню, что все экзамены старалась сдать в числе первых. И потому, что была готова, и потому что хотелось скорей «отделаться» и освободиться. Так что, на моей памяти, экзамены прошли легко и без волнений. Трудности составила, как я уже рассказывала, «тройка» по поведению в первой четверти. Но моя память предпочла не удерживать в себе этот факт и проигнорировать. Я и вспомнила-то его только в связи с Сивашским сквером.

А на выпускном вечере помню себя, сидящую на подоконнике в коридоре рядом с Галей Папсуевой. Процедура примирения не обошлась без обязательного девчачьего атрибута – слёз, но закончилась клятвой в вечной дружбе. Каковая дружба действует и до сих пор, несмотря на то, что мы живём далеко друг от друга и редко видимся (Галя - киевлянка). А, как когда-то заметила её мама Лизочка (царство им всем небесное – нашим мамам!), при встрече мы с Галкой начинаем говорить с того полуслова, каким закончили в предыдущую встречу, даже если это было десять лет назад, и без пауз и остановок. Ничего не изменилось в наших головушках, кроме «бескозырок задом наперёд» - уже не «надеваем». Узнаём себя по другим признакам, слава Богу, они есть и «немалые»!

Остальная атрибутика выпускного не оставила особого впечатления – всё, как везде и как всегда. «Парада» нарядных платьев особого не было, как в нынешние времена, но девочки были хороши. Жаль, в те времена мало фотографировали, и у меня, кроме выпускной фотографии, памяти о выпуске не осталось никакой. Вот ещё потом попробую порыскать по сети, может быть, у кого-нибудь ещё найдётся. «Выудила», всё, что смогла, у Симы Пельц, Платона Животовского. Выпускной вечер не запечатлел почему-то никто из них.

11 «А» класс, средняя школа №5. 1964 год.

...И всё же, и всё же...

Покрывлю душой, если скажу, что не помню, как мы – я, Толя Змиевский и Гена Голунов уже под утро, перед рассветом, встретились, как и договаривались, на площади у памятника Ленину.

...Перед этим уже прошлись большой «выпускной» компанией по Советской, встретились со знакомыми выпускниками из других школ, уже подустали. Но мы с Толей, к назначенному времени, помчались к памятнику, где уже ждал Гена. И побрели втроём на бульвар Макарова, потом – по лестнице, к реке. Просидели на какой-то скамейке до рассвета. Я – как водится – под двумя(!) пиджаками. Настроение было странное. Грустноватое – неужели всё кончилось? Уроки, контрольные, встречи на Черниговской, тренировки?.. Взбудораженное – что впереди? Новый город, новая жизнь... Новые друзья?! Об этом почему-то не хотелось думать. Такое необыкновенное родство мы (я!) ощущали в этот момент, что казалось – никогда не расстанемся!

А расстаться пришлось. И очень скоро.

Весь июль я готовилась к поступлению в институт: учила физику и только физику – она была моим наиболее уязвимым местом. Решала задачи по математике по учебнику Сканави – популярному тогда автору, собравшему в свою книгу наиболее сложные задания на экзаменах в МГУ.

С утра садилась за стол, и – до вечера. Вечером под балконом ждал мой верный Генка. Шли куда-нибудь, я – обалдевшая от формул, определений и выводов, рада была идти куда угодно. По дороге прихватывали иногда Толика или ещё кого-нибудь из нашей компании. Чаще всего ходили вдвоём, Гена чувствовал, что разлука близко и надолго.

Гена и Толя собирались поступать в кораблестроительный институт, как большинство из моих знакомых ребят. Туда же готовилась и Галя.

К слову, почти все поступили успешно в свои вузы. К сожалению, не у всех успешно сложилась учёба и, как следствие, дальнейшая судьба.

Сейчас, по прошествии полувека – солидного отрезка времени, вспоминаются моменты из жизни, которые, кажется, можно было бы прожить иначе, внимательнее и заботливее отнестись к близким. И тогда судьба этих близких людей, может быть, сложилась бы счастливее. Как у Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Но молодость часто эгоистична. И собственное счастье, вновь обретённое и кажущееся безграничным, заставляет напрочь забыть о том, что было накануне, что казалось вечным и непреходящим. И чувствуешь потом свою вину, хотя и знаешь, что иначе быть не могло.

С Геной мы встречались ещё несколько раз. Он приезжал ко мне и в Севастополь. Потом его жизнь пошла по иному пути – армия, работа, семья.

А с одноклассниками школы №5 я встречалась однажды, в 25-ю годовщину окончания школы. А вот на 40-летие я не попала. Единственное фото, сохранившее это событие, нашла у Симы Пельц.

Николаев 2004 Выпуск 1964 г Школа№5

40-летие выпуска: Ира Медведева, Галя Федоренко, Таня Томашпольская, Сима Пельц, Лина Зозуля; мальчики: Боря Большан, Лёша Иванов, Марик Магин, Саша Куприянов, Боря Гоцуляк.

Заметили чёрные рамки? Уходим...Таня Томашпольская, Саша Куприянов... Горькая для меня потеря – Толик Змиевский...

Помните, «Альма матер» известного барда Берковского?

«Видишь -- карточка примята, в лыжных курточках ребята, смерти – ни одной!» -- уже не про нас.

Ближе -- Константин Фролов, ушедшему другу:

Дружище, сердце по тебе скучает,
Твой телефон теперь не отвечает...
Бессильны аргументы и резоны:
«Перезвоните. Абонент вне зоны».
...Мы собирались жить до девяноста.
Но ты ушёл, и долгими ночами
Твой телефон теперь не отвечает,
Одни гудки – то далеко, то близко.
Но я его не вычеркну из списка.

...Уходят. А те, кто остаются, всё чаще оказываются по другую сторону границы. И вот уже далеко в Америке – Сима Пельц, Лина Вороновицкая (Зозуля), Лёша Иванов, в Израиле - Тамара Эйдензон (Чёрная)... Встречаешься с ними в Интернете, как будто бы узнаёшь, и тебя вроде «признают». Но иногда в обсуждениях и дискуссиях вдруг промелькнёт что-то, и понимаешь: *они уже* другие. Найдя свою судьбу в чужих и чуждых нам странах, они отдаляются от нас всё дальше. И только память о нашем общем детстве, о школьной юности преображает всех, возвращает к истокам, к искренним и добрым чувствам бескорыстной детской дружбы.

И объединяет нас вновь, и заставляет радоваться друг другу главное – это наш славный и любимый город Николаев, потому что все мы – оттуда, из «корабельного края».

Ну вот, кажется теперь всё. Всё, что я хотела или успела поместить в рамки этой небольшой повести о моём николаевском детстве и школьной юности.

...Я иду по Херсонесу и дышу его необыкновенным воздухом. Солнце настояло этот воздух на нашем море, на прибрежных скальных и степных растениях – полыни, сурепке, - на всём, что не сожгло, оставило нам в эти бархатные сентябрьские дни жгучее лето этого года.

Впереди – Храм. Он довлеет над всем видимым пространством, осеняя его золотым куполом, освящая колокольным звоном. Это Мой Храм, Мой берег, Моё жизненное пространство.

Вдалеке на Северной стороне – старинные стены рavelинов, хранящих память о героических событиях, подвигах русских солдат многовековой давности. Это Моя история.

На высоком холме над городом, на мысе Хрустальном – памятник Матросу и Солдату, защитившим, отстоявшим Севастополь в войне с фашизмом. Это Моя память, Моя гордость.

...Я живу в этом городе, и он всегда жив во мне.

И если бы можно было применить клятву наших исторических предшественников – херсонеситов к сегодняшнему дню, я бы всем сердцем обратила эту клятву к любимому городу, к Севастополю:

«...я буду единомыслен относительно благосостояния города и граждан и не предам Херсонеса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной Гавани, ни прочих укреплений, ни из остальной области, которою херсонеситы владеют или владели, ничего никому, - ни эллину, ни варвару, но буду охранять для народа херсонеситов;

не нарушу демократии и желающему предать или нарушить, не позволю и не утаю вместе с ним, но заявлю демиургам, правящим в городе;

буду врагом злоумышляющему и предающему или склоняющему к отпадению Херсонес, или Керкинитиду, или Прекрасную Гавань, или укрепления и область херсонеситов».

...Но почему-то, когда я слышу песню, которую поёт Анжелика Варум о Городке, «где нет зависти и злости, где без спроса ходят в гости», я вспоминаю мой николаевский двор. Моих замечательных соседей, к которым в самом деле можно было «без спроса» войти в квартиру в любое время – у тёти Нади двери днём не запирались. Моих дворовых друзей, с которыми проводила столько времени летом и зимой, с которыми бегали на речку, ходили в кино в «Сталинец» - на соседней улице, пролезали сквозь дырки в заборе в зоопарк, чтобы достать или выдернуть из хвостов птиц красивые фазаны или павлиньи перья, воровали в чужих садах абрикосы. Соседей, зорко следящих с балконов, с кем пришла вечером, чтобы потом утром выяснить подробности – «без зависти, без злости»... Моих любимых друзей юности, пробудивших в душе первые, чистые и светлые чувства любви и преданности...

Так пускай прихоти памяти возвращают меня иногда в далёкое прошлое - школьное детство, юность - которое так далеко, что даже не угадывается за горизонтом. Недостигаемое и светлое, это прошлое, как далёкая и яркая звезда, светит на небосклоне моей души, манит и зовёт к себе, чтобы заставить вновь ощутить себя той весёлой и живой девочкой, отчаянной «девчонкой из Николаева», в компании таких же, как она, николаевских ребят -- **«детей корабельного края»**. Получив однажды эту прекрасную отметину, я бережно хранила её в душе всю жизнь.

Но всё равно, как бы упорно ни увлекали меня в прошлое причудливые устремления памяти, крепкие «швартовы» прожитого и пережитого здесь, на моём теперешнем родном берегу, не дадут мне оторваться от настоящего. И это правильно, и так есть, и так будет.

...Только пусть хоть иногда, тоненькой ниточкой, ярким и радостным лучиком, серебристой лунной дорожкой на волнах моей памяти протянется памятная тропка в моё николаевское детство...